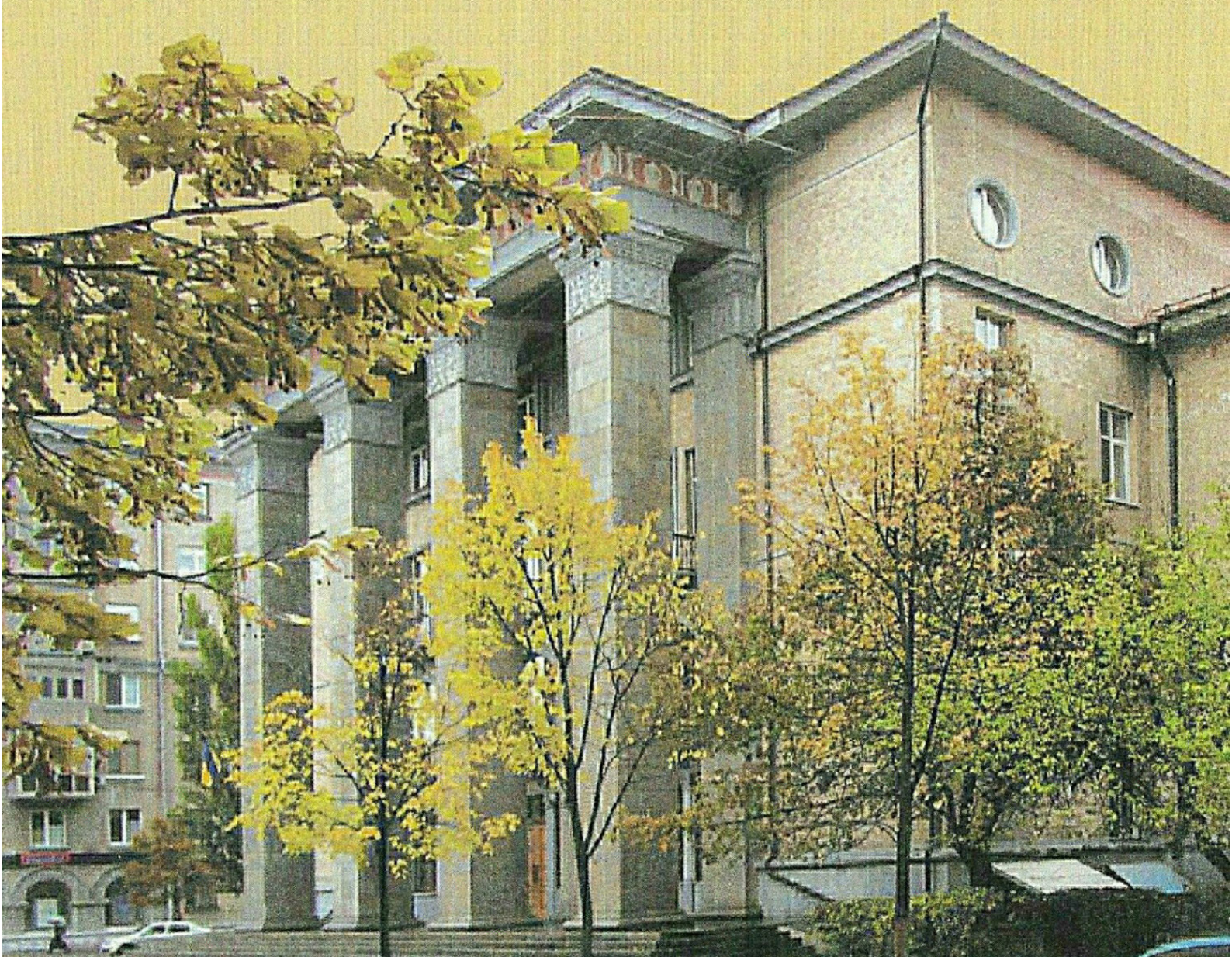

Олег Rogozовский

Записки ящикового еврея

Книга третья:
Киев. В НИИ Гидроприборов – начало.

Олег Рогозовский

**Записки ящикового еврея.
Книга третья. Киев. В ящике**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Рогозовский О. А.

Записки ящикового еврея. Книга третья. Киев. В ящике /
О. А. Рогозовский — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Олег Рогозовский, выпускник физмеха ЛПИ 1964 года, не мог найти в Киеве работу по специальности. Мешало отчество - Абрамович. Наконец, повезло, ему разрешили бросить «якорь» в почтовом ящике 153. На физмехе вынудили учиться не тому, что он хотел, в ящике пришлось заниматься не тем, чему учили. Новая область деятельности романтиками описывалась как «искрящаяся смесь физики, электроники и морского дела», физики называли ее гидроакустикой. Книга о молодом специалисте, становящемся профессионалом, экспедициях, летно-морских испытаниях, о коллегах, семье и друзьях на фоне жизни в Киеве и в СССР в 60-70х годах. Содержит нецензурную брань.

© Рогозовский О. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Вместо предисловия	5
Из предисловия к книге третьей	6
Новые родственники	7
Бедному жениться – ночь коротка	11
Ракетами будут управлять без меня	16
В Москве работа есть, жилья нет	18
Киев в пятый раз	19
Нина в «Спирте»	25
Рождение коренного киевлянина	27
Первые месяцы в ящике	32
Они стояли у истоков п/я 153	35
К вопросу, «которого не было»	46
Инициация в комплексники. Экспедиция в Сухуми	52
Подготовка к вертолетным испытаниям	63
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Олег Рогозовский

Записки ящикового еврея.

Книга третья. Киев. В ящике

Памяти Нины Рогозовской

Вместо предисловия

*Каждый пишет, как он слышит,
Каждый слышит, как он дышит,
Как он дышит, так и пишет,
Не стараясь угодить...*

Булат Окуджава

Большинство из нас начинает интересоваться своей историей, когда самая активная фаза жизни подходит к концу; не является исключением и автор. Особенностью нашего поколения было то, что родители и деды (бабушки) весьма осторожно делились своим прошлым – берегли нас от диссидентства, особенно опасного в юношеском возрасте. Уберегли. Хотя информация о том, что не все в порядке в «Датском королевстве» накапливалась в последние школьные и студенческие годы, но порог неприятия Софьи Власьевны достигнут еще не был. После окончания физмеха Ленинградского Политехнического я все еще верил в социалистические идеалы. Когда мне уже в ящике задали сакраментальный вопрос: «Но вы ведь советский человек»? я без раздумий ответил на него утвердительно и обосновал свое мнение, однако углублять эту тему не захотел. Хотя до этого мне пришлось, как и многим инвалидам пятой группы, пройти унижительную процедуру поиска работы, но поиск успешно завершился – мне повезло. Можно было расслабиться. Хотя еврейского во мне не так уж много (см. книгу первую, стр. 182 [Рог]),¹ но партийные органы и отделы кадров так не считали. Уже в институте я понял, что попасть в «ящик» для меня – «предел мечтаний». То, что он еще является и клеткой, я понял позже.

Попытка объяснить, как и почему я попал в ящик, привела к рассказу о родителях, дедах и прадедах, родных и друзьях и вылилась в книгу первую, а не главу книжки, как я рассчитывал. Рассказывая о следующем этапе своей жизни – студенчестве, я уже понял, что книга² сама будет диктовать, как ее писать. В ней повествуется не только о студенческой жизни, но и об истории физмеха, на котором я учился, преподавателях, их учителях и даже становлении советской физики.

Если первые книги предназначались для родных, школьных и институтских друзей и приятелей, то ко времени написания третьей книжки я понял, что многое из того, что я знаю, не нужно почти никому. Но оказалось, что она нужна мне. «Недаром долгих лет свидетелем Господь меня поставил и книжному искусству научил». И вообще, «мы – это то, что мы помним» [Чер].

---

¹ Олег Рогозовский. Записки ящикового еврея. Книга первая: Из Ленинграда до Ленинграда, Edita Gelsen, Bochum, 2013 [Рог].

² Олег Рогозовский. Записки ящикового еврея. Книга вторая: Ленинград. Физмех Политехнического, Edita Gelsen, Bochum, 2015 [Рог15].

Из предисловия к книге третьей

*Кто чувствовал, того тревожит
Призра́к невозвратимых дней:
Тому уж нет очарований,
Того змея воспоминаний,
Того раскаянье грызет.
И память часто предает³...*

Название и замысел третьей книги «Записок ящикового еврея» возник раньше первых двух книг и дал название всей «саге».

Меня и Нину попросила встретить знакомых сестра Таня. Это были Гриша и Клава Лейбовы. Мы разговорились. Нашли общих киевских знакомых. Они работали в КБ Антонова. В ответ на их вопросы я сказал, что тридцать лет без одного года проработал во вред ли известной им «Рыбе», она же Киевский НИИ Гидроприборов. Но они ее знали, так как в свое время их не взяли на специальность «гидроакустика», а потом и в ящик. Гриша спросил: «как же Вы попали в «Рыбу», она же была «юденфрай»?

Хотя с таким определением «Рыбы» я раньше не встречался, но пояснений не требовалось. Хотя помнил обстоятельства моего попадания туда, как и предшествующую эпопею по поиску работы в Киеве, но объяснить тогда коротко не получилось, и я отделался одним словом: «повезло».

В подсознании засело, что хорошо бы рассказать внятно, понятно и тем, кто о нашей жизни в те времена не знает. Но тогда я работал, и времени для этого не оставалось – мы активно познавали первый мир.⁴

Вторая побудительная причина возникла через десять лет: выход книжки «50 лет украинской гидроакустике». Когда я ее саркастически комментировал, сотрудник киевского НИИ «Квант», привезший книгу, сказал: чего ты ёрничаешь, возьми и напиши сам.

В ящик я попал случайно и чуть ли не решающим аргументом в том, что меня взяли, явилось мое участие в походе по Кольскому полуострову. Когда мы вышли после болот к реке, а потом и к деревне Варзуга, первое, что мы увидели, были длинные (больше метра) ящики с надписью «Сельдь ящиковая кормовая». Ее не ели и не вывозили – ее оставляли на месте (кормили ею свиней). Вот до такого «ящикового» мог вырасти и я. На «продажу» и вывоз такой не годился, «съесть» такого в ящике можно было только с голоду, или если бы «заржавел».

Историю ящика я писать не собирался, но о «жизни» в нем, людях и положениях, как и о своей жизни в Киеве и за его пределами попытаюсь рассказать.

Указание: примечания и сноски на страницах имеют сквозные номера.

---

³ Парафраз строфы XLVI главы I «Евгения Онегина».

⁴ Третий мир был общепотребительным термином. Что где-то есть первый, мы догадывались, но то, что мы большую часть жизни прожили во втором, не знали, как и герой Тартюфа не знал, что всю жизнь говорил прозой.

Новые родственники

Полная радужных надежд на счастливую жизнь, молодая пара отправилась в свое первое путешествие из Петербурга в Москву. Формальных оснований для этого было немного: две справки. Одна – об окончании Олегом физмеха Ленинградского Политехнического института и защите диплома (диплом по новым правилам выдавался через три года после отработки по месту назначения). Вторая – о подаче почти месяц назад заявления в Ленинградский Дворец бракосочетания (молодоженов решили выдерживать минимум месяц, плюс месяца два в очереди во Дворце на торжественную регистрацию). Несмотря на то, что у обоих были в школе пятерки по литературе, и мы помнили что «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй», мы не соотносили это описание со своей предстоящей жизнью – ведь она для нас только началась. И добираться до Москвы нужно было не неделю на перекладных, а всего за пять с половиной часов «сидячим экспрессом», отправлявшимся два раза в день – утром и после полудня. Мы поехали утром. Автобус 322 от метро Измайловская шел прямо до Старой Купавны. Там жила вся родня моей жены Нины Галановой. Согласно справке, она была еще невестой.

Отец Нины Василий Георгиевич Галанов пропал без вести в октябре 1941 года под Брянском.⁵

---

⁵ Отец Нины попал в 282 стрелковую дивизию, числившуюся «ополченской» – ее основу составляли ополченцы из Ждановского и Таганского районов Москвы. К ним добавили призывников Московского Военного Округа, в который входила и Рязанская область. Первые дивизии ополчения вооружались в июле одной винтовкой на пятерых, у остальных были лопаты – их сразу отправили копать окопы, пообещав сохранить зарплату и в бой не посылать – охранять заводы, мосты и ловить шпионов. Ну, а в случае чего... военную пенсию семье. Через несколько дней после окончания рытья своих окопов они очутились в других, против немецких танков и моторизованной пехоты. 282-я дивизия формировалась позже – в начале августа и вооружена была лучше, но все равно недостаточно – катастрофическим образом не хватало минометов, артиллерии, снарядов и даже патронов. Ополченские дивизии были полностью уничтожены в Вяземском и Брянских котлах в октябре 1941 года. Всего 680 тысяч попало в плен. Ополченцев в плен не брали (даже не оформляли) – считали, что там евреи, комиссары, интеллигенты (были роты писателей, актеров, «научников»), квалифицированные рабочие – никто из них Рейху в живых был не нужен. Так как никаких документов от дивизий не осталось, то о пропавших без вести объявили только в конце войны. Боялись – а вдруг кто-то еще отыщется в плену. Бравых командиров благополучно вывели из окружения. Конев – командующий Западным – фронтом был на волосок от расстрела – его спас Жуков, бывший командующий Западным и Резервным фронтом, а еще раньше «начальник» Генштаба. Конев был виновен еще и в том, что слушал по телефону объяснения вождя: «Товарищ Сталин не предатель, товарищ Сталин не авантюрист – он просто напрасно доверился кавалеристам». Буденного, командующего Резервным фронтом, заслуживающего, по крайней мере, разжалования, Сталин не тронул. Простил и командующего Брянским фронтом Еременко, лично обещавшего Сталину раздавить Гудериана, 2-я танковая армия которого после этого одна разгромила весь Брянский фронт, заняла Орел и уничтожила Брянский котел. Командующему 3-й армией Крейзеру удалось выбраться из окружения. Дивизии 282, 280, 142, с которыми он потерял связь с начала октября, были полностью уничтожены со штабами, знаменами, людьми. Начальник штаба сухопутных войск Вермахта Гальдер [Гал] пишет, что операция «Тайфун» была проведена «классически» – в лоб по дороге Смоленск—Москва никто атаковать не собирался, а именно там наши муд...рецы сосредоточили лучшие силы и резервы – в армиях Рокоссовского и Батова. Это происходило после точно такой же операции охвата Юго-Западного фронта под Киевом. Этому Гудериан и другие высшие немецкие офицеры учились на маневрах Юго-Западного (Киевского) военного округа в 1936 году. После успешных маневров их руководители: Тухачевский, Уборевич, Якир и другие были уничтожены, а немецкие офицеры, обогатившиеся новым опытом, получили продвижение по службе. Киевский охват повторился на Брянском фронте – будущие герои войны, сидевшие в Генштабе – Василевский, Ватутин и впавший в протрацию Шапошников ничему с первого раза не научились.

Учения Ворошиловских стрелков. 4 винтовки Мосина 1898 г, 1 топор. Второй справа – Василий Галанов. Село Старожилово, 1937 г.

*Мы похоронены где-то под Нарвой,
Под Нарвой, под Нарвой,
Мы похоронены где-то под Нарвой,
Мы были – и нет.
Так и лежим, как шагали попарно,
Попарно, попарно...*

Судьба пропавших без вести была еще хуже, чем погибших под Нарвой – тех хоть в песне Галича похоронили.

Мама Нины, Паня, в девичестве Прасковья Алешкина, скончалась в 1946 году после неудачной операции. Шестилетнюю Нину сестра Пани Вера забрала из деревни Хрущево.⁶

---

⁶ В Хрущево, Старожиловского района Рязанской области жила семья Галановых, сестры Алешкины – старшая из оставшихся Клаша, младшая Надя и их брат Володя.

Женя в ремесленном

Восьмилетнего брата Нины Женю в суворовское училище, как мечталось, не взяли. Туда не могли пробиться и дети погибших на войне офицеров, а сын рядового, да еще и пропавшего без вести, шансов не имел. Его удалось устроить в ремесленное училище. До этого он жил в деревне Хрушево с сестрами мамы Клашей и Надей. В 1964 все (кроме брата мамы Володи, ставшего москвичом) жили в Купавне.

Главной среди родни («генералом») считалась тетя Вера – одна из сестер Алешкиных. Вера во время войны смогла закончить текстильный техникум и работала технологом на знаменитой Купавинской тонкосуконной фабрике.⁷ Со временем она устроила туда сестер, а потом и племянника.

Вера и Надя вышли замуж за двоюродных братьев Кузовкиных, Женя был женат и уже «родил» дочку Свету.

Для экстраверта встреча с новыми людьми событие скорее интересное, чем обременительное. Меня меньше заботило, понравлюсь ли я, чем то, понравятся ли мне родственники Нины. Правда я больше беспокоился за Нину – как она воспримет их возможную отрицательную реакцию. В любом случае мы хотели быть вместе и ни с ними, ни с незнакомыми пока Нине моими родителями жить не собирались. Человек полагает...

Встретили нас хорошо, и видно было, что рады за Нину. Ни малейшего знака предубеждения против «непривычного» жениха я не ощущал. Удивительно, но я даже не вспомнил, что можно было обеспокоиться о национальных предрассудках, следов которых я тоже не почувствовал. Хотя в российской глубинке, как и в Купавне, бытовой, фоновый антисемитизм существовал, но он носил скорее ситуационный характер.

---

⁷ В 1784 г. Купавну с фабрикой купил светлейший князь [Потёмкин-Таврический](#) (1739–1791), однако возвратил её в казну в 1789 году. В 1803 г. шелкоткацкая фабрика с 1306 посессионными рабочими и 129 станами перешла во владение князя [Н.Б. Юсупова](#) (1750–1831), который частично перевёл предприятие на производство сукна. В 1821 г. на ней трудилось 540 человек. В 1833 г. село и фабрика были куплены за 120 000 рублей братьями Петром и Ильёй Бабкиными, которые к 1842 году свернули шелкоткацкое производство и перевели предприятие на производство сукна. К 1843 году на фабрике действовало три паровых привода общим счётом в 55 лошадиных сил. В 1849–1852 годах посессионных крестьян (рабочих) освободили. В 1875 году было создано Товарищество Купавинской суконной фабрики братьев Бабкиных (их дочерьми, после смерти родителей) с основным капиталом в 500 000 рублей. Купавинская тонкосуконная фабрика работает и в наши дни.

Нина Ивановна, русская мама моей однокашницы Гали Уфлянд, незадолго до нашего диплома получила письмо от родственников с Урала, которые радовались за соседей, удачно выдавших замуж дочку за еврея Бергера: не будет пить и не будет бить.⁸

В Купавне, после того, как выяснилось, что жених предпочитает водке сухое вино, к ящику водки добавился ящик венгерского Токая Фурминта, на этикетке которого стояло «сухой». На самом деле это было приятное полусладкое вино. Застолье за один вечер не кончилось и перетекло во второй.

Родственники мне понравились. Как впоследствии оказалось, я им тоже «глянул». Помню, что событие особенно переживал брат Нины Женя – сестра вдруг стала взрослой. Брат и сестра, рано оставшиеся без родителей, были очень привязаны друг к другу.

---

⁸ То, что Бергер оказался немцем, уже никого не волновало.

Бедному жениться – ночь коротка

Через два дня мы оказались в Киеве. Нас встречали на вокзале. Не только мама, но и сестры Таня и Оля приняли Нину сердечно – большой контраст по сравнению с тем, как встретили маму родные папы в 1939 году (см. книгу первую [Рог]). Нина вспоминала, что папа ближе всех оказавшийся к нам, сначала обнял её, а потом уже поздоровался со мной. Отношения между ними сразу установились доверительные.

Папа и Нина в проходе от Печерского спуска на Резницкую. Киев, февраль 1964 г.

Чуть ли не на следующий день, рано утром, когда мы были еще в постели, мы услышали шум и в комнату ворвался, несмотря на мамины протесты, ее брат Андрей – единственный мой родной дядя. Он, к ужасу Нины, нырнул к нам в постель (пальто он успел снять). Так произошло знакомство Нины с маминой родней. Правда, до этого мы в Москве заходили во Фрунзенский райисполком и виделись с тетей Ирой Семечкиной, подарившей Нине какую-то шикарную записную книжку зеленой кожи, предназначенную, видимо, для иностранцев, но почему-то с русским алфавитом. Возможно, она и поделилась впечатлениями от невесты, и Андрей решил удостовериться в правильном выборе. Он сразу взял быка за рога и предложил тут же организовать свадьбу. Не тут-то было. Во-первых, мы ее не хотели. Во-вторых, мы были еще не расписаны. В-третьих, мы (я) хотели отметить женитьбу на Карпатах в компании моих ленинградских друзей, частью из танцевального клуба, у которых были путевки на турбазу в Ясинях.

Нина на Гренадерском мосту на фоне Ленинградской телебашни

Тогда Андрей решил сделать подарок Нине, и мы купили новаторское произведение киевской легкой промышленности – шубу из искусственного каракуля. Выглядела шуба шикарно – лучше настоящей. Но в Ленинграде..., впрочем, об этом дальше.

Папа решил, что у невесты должны наличествовать белые туфли и сумка. Естественно, импортные. Где их достать зимой, если и летом-то их днем с огнем не сыщешь? Папа вспомнил про свойственника Сеню – мужа кузины, которому он подсказывал ответы раввину, когда пара стояла под хупой в нашей квартире на Саксаганского ([Рог], стр. 95). Они с Ниной, прихватив меня, поехали к нему на Житный рынок, где у Сени была лавка (магазинчик). Естественно не частная, но кажется и не государственная, а кооперативная. У Сени туфель конечно, не нашлось. Подождите, сказал он и исчез. День был полувыходной, многие магазины были закрыты. Появился минут через сорок. С коробкой, в которой лежали югославские белые туфли. Откуда появилась белая сумка, не помню.

Если к нашим намерениям не «играть» свадьбу мама отнеслась с пониманием, то по поводу нашего намерения зарегистрироваться в Карпатах, она решительно возразила и сказала,

что не отпустит нас из Киева без штампов в паспорте. У нее был нелегкий опыт во время войны, когда вдруг стали нужны зарегистрированные браки – молодежь до войны считала это мещанством.⁹

И тут нас вдруг ожидал отказ. Районный ЗАГС отправил в Горсовет – в Киеве тоже молодежь «выдерживали». В Горсовете дородная тетка вся в наместах, сказала, что наша бумага о том, что мы подали заявление месяц назад в Ленинграде, в Киеве и на Украине недействительна – «в нас незалежна республіка і ніякі російські папери тут не чинні». Мои увещевания на нее не действовали, как и намеки на проявление национализма. Мы с ней разругались. Может быть и зря, так как моя надежда, что недоразумение разрешит первый зампред Горсовета Аркадьев (отец моего одноклассника) не оправдалась – он был в командировке. А тетка не поленилась и позвонила во все отделения ЗАГСов Киева, и нас везде ждал отказ. Некоторые находили и предлог: а вы здесь не прописаны. Мы застряли в Киеве.

Мама нашла выход из положения. В Боярке было одно из строительного-монтажных управлений, подчинявшихся «Укргазпрому» (ул. Ленина 6), в котором работала мама. Ее там уважали и устроили так, что тамошний ЗАГС нас принял и 25 февраля 1964 года выдал нам «корочки» – первый наш совместный документ на гербовой бумаге. Нина взяла фамилию Rogozovskaya (я предлагал Rogozovskaya-Galanova).

Роспись собирались отметить в узком семейном кругу, но школьные друзья прознали и ввалились вечером с шампанским, цветами и гитарой. Было дружно и весело. Шутили, пели и даже пытались танцевать. Помню, как раскрепостившаяся Нина под аккомпанемент гитары Вадика Гомона спела на грузинском песню «Мтацминда», чем удивила и обрадовала не только нас, но, кажется и себя.

---

⁹ Маленков и Голубцова всю жизнь прожили в незарегистрированном браке, так же как Хрущев и многие партийные бонзы.

Вадик Гомон в студенческие годы

На встречу в Карпатах мы безнадежно опаздывали, но «если я чего решу, выпью обязательно», и мы поехали. Как правильно ехать мы не знали, да и билетов не было, и мы сначала доехали до Станислава (так местные жители называли Ивано-Франковск), где нам, как новобрачным выделили номер с какой-то умопомрачительной ванной, в которой даже имелась горячая вода, и куда нужно было забираться по ступенькам, как на трон (или эшафот).

Когда мы, наконец, добрались до Ясиней, оказалось, что мест там нет наглухо, а остатки тех, кого мы надеялись встретить, перебрались в Яремчу. Туда мы не поехали и сняли хату где-то на горе. Подъемников тогда не было – нужно было забираться на гору пешком, оттуда скатываться и повторять эту процедуру до тех пор, пока не надоест. Нина вверх шла бодро, но вниз спускаться отказалась и сказала, что подождет меня наверху. Там она нашла себе развлечения – рассматривала соседние горы и долины. Зрение у Нины тогда было 2 (в два раза лучше единицы) – на Невском за 25 метров она видела лежащую на тротуаре монетку под ногами пешеходов. На мороженое в «Лягутшатнике» перед Мойкой всегда можно было набрать. Жаль, что этим воспользоваться не пришлось – не хватило времени.

В Карпатах она рассматривала детали нарядных зимних тулупчиков девушек и парней, стоявших на вершинах соседних гор – километра за два от нас. Я там видел при зрении единица только какие-то столбики.

К сожалению, день на второй у меня заболел зуб. Через день его вырвал чуть ли не кузнечными клещами какой-то местный эскулап – до зубного врача, да еще в какой-то местный праздник, было не добраться. Чтобы включить Нину в лыжный способ передвижения стали

спускаться вниз по обочине дороги по проложенной лыжне, а обратно возвращаться на автобусе. Пока ждали автобуса, угощались «кипячением» – горячим вином с кореньями и травами. На одном из спусков встретили двоих оставшихся из ленинградских ребят – назавтра они тоже уезжали. Так что отмечать было не с кем – просто выпили в колыбе кипячене за то, чтобы через пятьдесят лет встретиться на лыжах в горах.

Мы свое обещание сдержали – но оказалось, что пространственно-временное разделение, над которым мне приходилось работать в течение этого времени, самопроизвольно осуществилось.

В назначенное время мы отмечали это событие в Давосе, в надежде, что другие это время тоже проводят в горах. Сомнительно, что это было в Карпатах.

После Карпат мы заехали ненадолго в Киев и отправились в Ленинград. Прощались с друзьями. Приодетая Нина произвела впечатление на своих соседок по комнате. Особенно ее шуба. До первого дождя. После него шуба запахла, да так, что спать в одной комнате с ней было нельзя.

Наскоро простились с теми, кто еще оставался в общежитии. С ленинградцами как-то и не прощались – ведь они, как и город, оставались на месте – можно было вернуться и всех увидеть.

Собрали вещички – их набралось на половину маленького контейнера (включая книги и кофейный столик) и отправили их в Свердловск. За вещами поехал и я – обустроиваться. Нина уехала в Купавну. Где-то между делом выяснилось, что Нина институт бросила – она даже сессию не досдала. Все перебила другая новость – Нина ждала ребенка.

Ракетами будут управлять без меня

В Свердловске, в отделе промышленности Уральского совнархоза, «руководившего» обороной, выяснилось, что место, куда меня направили, находится в лесу. Правда, туда можно было добраться автобусом, который отправлялся не из центра – до него нужно было еще доехать.

Тихая опушка соснового леса. Стоит какой-то деревянный дом барачного типа, несколько новых трехэтажных зданий, два недостроенных. Вроде бы нет (по крайней мере, не помню) ни заборов, ни колючки. Какая-то приемная комната, куда бодрым шагом вошел молодой человек, чуть старше меня и радостно меня приветствовал – нашего полку прибыло! Заканчивал он то ли ЛГУ, то ли ЛИТМО, и стал увлеченно рассказывать, какие интересные задачи предстоит решать и все с нуля. Суть задач формулировалась в очень общем виде, но можно было догадываться, что, скорее всего, это управление ракетами.

Только потом (через несколько лет) до меня дошло, что речь могла идти о крылатых ракетах средней, а потом и большой дальности. Но в 1964 году о них еще конкретно не думали. Задачи там действительно решали интересные, сложнее, чем для баллистических ракет. И руководитель там был незаурядный – Л. В. Люльев (Л. В. Люльев biblio28.ru). Но, может быть, это было свердловское подразделение ОКБ Макеева в Челябинске-40, работающее совместно с НИИ Семихатова, делавшего для морских баллистических ракет Макеева системы управления.

Итак, заманивали глобальными (в прямом смысле) и перспективными задачами.

Энтузиазм моего собеседника угас, когда я сказал, что в фирме должно находиться мое письмо с согласием на работу у них при условии предоставления жилья семейным.

Оказалось, что для семьи здесь места нет. Мне с трудом нашли место для того, чтобы переночевать. С грустью показывал мой вербовщик недостроенные трехэтажные здания, среди них и общежитие. Хрущев снял деньги, сказал он. Кукуризация закончилась, теперь все брошено на ускоренную химизацию. О внутренних интригах среди ракетных баронов, принадлежавших разным ведомствам, и входивших в разные совнархозы он умолчал – скорее всего, и не знал.

Ни о каком другом жилье, кроме комнаты в общежитии мы и не думали. Но и без комнаты обойтись было нельзя. Мой собеседник посоветовал посмотреть частный сектор. Находился он километрах в двух-трех от фирмы, автобусы туда ходили раза три в день. Пройтись пешком в хорошую погоду по дороге среди соснового леса было не в тягость. Частный сектор являл собой татарскую деревушку, поразившую меня своей неблагоустроенностью по сравнению с деревнями в Татарии. Думаю, там жили высланные в тридцатые годы татары, только после 1956 года начавшие обустраиваться. За жилье – проходную комнатку – нужно было платить чуть ли не треть зарплаты. Ни поликлиники, ни магазинов, ни почты, ни телефона.

Если бы мы были одни, то как-нибудь можно было перетерпеть, но в свете ожидавшегося ребенка и одной зарплаты это было малопредставимо.

Стал искать варианты. Если жить в самом Свердловске... В НИИ автоматики Семихатова меня не направляли. Но туда бы взяли, если бы это не квалифицировалось как переманивание молодого специалиста, на что решительно не был согласен отдел совнархоза, через который шло мое оформление. С жильем в НИИ было не лучше, чем в «лесной» фирме.

В НИИ автоматики работал выпускник нашей кафедры Виталий, на год раньше окончивший ее. Ничего хорошего он о фирме не рассказывал, как и о «социалке» в ней. Более того, он работал по проблемам прочности, что мне совсем было не в «жилу».

Возможность работы для Нины, чтобы заочно продолжить образование по специальности, тоже отсутствовала. Фирма подходящего для нее профиля возле Верх-Исетского метал-

лургического комбината в кадрах не нуждалась – спрос был гораздо больше предложения. Об экологии в Свердловске тогда говорить не приходилось – получше, чем в Челябинске, не говоря уже о Челябинске-40,¹⁰ но тоже неважно.

Пришлось еще и еще раз разговаривать в отделе совнархоза. Наконец его начальник, очень загруженный работой, уделил мне внимание (при отказе переадресовать мое назначение хотя бы в НИИ автоматики, я почувствовал, что его могла не устроить моя анкета). Подробно расспросив меня о специализации, у кого кончал – он, может быть, знал ленинградские вузы, поинтересовался, где живут мои родители, где жена, и ее родственники. Узнав, что все находится в треугольнике Ленинград – Киев – Москва, сказал: «Все равно здесь не останешься – нам до тамошних условий далеко, а учить тебя напрасно три года тоже нерационально. Все, выписываю тебе свободное распределение, после того, как вернешь подъемные».

Написал домой, обрисовал ситуацию. Получил ответ, написанный папой: «Мы тоже так начинали. Трудности для того и существуют, чтобы их преодолевать». Ни о каких деньгах речи не было. Не выдержал и поступил совершенно недопустимо: разорвал письмо на клочки и отправил их обратно домой.

Пришлось все объяснять Нине. На помощь пришла ее любимая тетка Надя, приславшая телеграфом немаленькую по тем временам сумму – 300 рублей (больше трех моих зарплат). По наивности я даже забыл, что нужно еще платить за еду. Где спал, что ел несколько дней, не помню. Наконец, получил свободное распределение (специальный бланк на гербовой бумаге). На билет в общем вагоне денег не хватило и пришлось занимать у физмеха из НИИ автоматики десять рублей. Он дал ценный совет: у него брат работал в Подлипках и мог меня если не протезировать, то, по крайней мере, просветить, как и что. Деньги я должен был отдать ему.

Двое суток я надеялся продержаться на чае и купленных сухарях. Лег на верхнюю полку и стал читать. Но сосредоточиться не мог: внизу ехала какая-то тетка, чуть ли не с Сахалина, непрерывно со всеми игравшая в дурака, а в перерывах рассказывавшая всякие истории, смеявшаяся над анекдотами и так далее. В конце концов, я слез вниз и принял участие в игре. Хотя она почти все время выигрывала, но карт не помнила. Желая как-то остановить этот хэппенинг, я выиграл у нее раз пять подряд. Она сильно увяла. Мне стало ее жаль. Вопреки натуре, я проиграл ей последнюю партию. Она очень обрадовалась и сказала – есть повод выпить и закупить. Пить было мало чего – по стопочке, а вот есть... Давно я не видел такого рыбного богатства, включая икру. Моим взносом был еще теплый лаваш, каким-то чудом продававшийся на какой-то небольшой станции кавказскими женщинами – бывшими ссыльными?

С теткой разговорились, я спросил, почему она едет в общем вагоне, а не в купейном или даже в мягком? «Люблю веселую публику» – сказала она – а где ее там найдешь? Мой желудок «разговение» выдержал и до Москвы я доехал благополучно.

---

¹⁰ Кстати о Челябинске-512, который оказался Челябинском-40, в ста километрах от Свердловска и в ста от Челябинска. Когда мы учились в ЛПИ, кому-то из физмехов приходили оттуда письма следующего содержания. «Работа интересная, но несколько монотонная. С жильем хорошо. Снабжение отличное. На водку тратим денег в десять раз больше чем на книги, но все, кто хотел, собрали уже большую библиотеку. Природа очень красивая, кругом озера, подальше горы. В лесу полно грибов и дичи, в речке и озерах – рыбы. Жаль, что нельзя ни собирать, ни стрелять, ни ловить». Речь шла о городе Озёрске и комбинате «Маяк». Специальность «физика изотопов» физмеха ЛПИ распределяла туда часть выпускников, пока не появились местные кафедры. Страшная авария на «Маяке» (радиоактивный выброс – 20 Мегакюри) унесла больше жизней, чем Чернобыль (50 Мегакюри). Ни мир, ни страна (кроме специально допущенных и молчаливых) о ней не знали до Чернобыльской аварии. После нее разрешили говорить и писать о катастрофе на «Маяке». С подтекстом: ну чего там, не в первый раз, уже такое было.

В Москве работа есть, жилья нет

В Купавне я жить не хочу, сказала Нина; а ведь она до этого согласилась ехать к черту на кулички за «милым, с которым рай и в шалаше». В поисках работы с какими-то перспективами на жилье – хотя бы комнаты в общежитии я прочесал ближнее Подмосковье.

Конечно, сначала я поехал в Подлипки – теперь город Королев. Ехать было очень неудобно, с двумя или даже тремя пересадками. Брат свердловского физмеха Виталия сказал, что шансов мало, а жилья точно нет.

Я расстроился и забыл даже отдать десятку.

Хотел повидать папиного товарища еще по техникуму Илью Марковича Рапопорта, работавшего в Подлипках. То, что это называлось ОКБ-1 Королева, а он занимался динамикой ракет (и преподавал эту динамику в МАИ, по указанию шефа), я узнал позже. Его не было в городе, а жаль, так как он, в отличие от брата физмеха Виталия, говорившего обтекаемо, мог бы ясно сказать, что таких, как я, сюда не берут.

Куда идти и что искать, я не знал. Больше всего времени я провел в районе Балашихи – там много было всяких фирм, в том числе оборонных. В некоторые брали, но ни о каком жилье, даже в обозримом будущем, речь не шла. Через много лет испытал дополнительное удовольствие, узнав, что проект, в котором я участвовал («Камертон»), победил проект одной из успешных балашихинских контор, с академической поддержкой кафедры физики МГУ с профессором (тогда доцентом) Буровым.

Однажды в какой-то фирме, куда я хотел устроиться, встретился посетитель, который узнав, что я ищу, сказал: на кой ляд тебе автоматика, иди к нам – мы покупаем оборудование за рубежом и нам нужны толковые ребята. Через полгода – за границу, до этого какое-то жилье подыщем или будем оплачивать. Не знаю, насколько серьезно он говорил, но терять «специальность», которой на самом деле у меня еще не было, я не хотел.

С родителями после своего демарша я не общался – считал себя отрезанным ломтем. Жили мы пока у Нининой тетки Клаши – она отдала нам свою спальню и кровать, а сама спала на диванчике, в комнате, ставшей проходной.

Нина с девятого класса, со времени экскурсии купавинской школы в Ленинград, хотела в нем учиться и жить. Для этого она не стала поступать в Московский вуз (училась хорошо, и проблем не ожидалось) и решила зарабатывать производственный стаж. Завод «Акрихин», на который она поступила, посылал своих сотрудников (в основном девочек) на обучение в ленинградский Химико-фармацевтический институт, обеспечивая их стипендией. Правда, после этого все равно нужно было вернуться в Купавну, но это было еще в «далеком» будущем.¹¹ Остаться теперь в ней без диплома и жилья рассматривалось всеми как неудача.

Мы повисли в неопределенности.

И тут, как всегда в трудную минуту, на выручку пришла мама. Не помню, письмо или телефонный звонок, но прозвучало: «Приезжайте!». Впоследствии выяснилось, что важную роль сыграла и Таня – она решительно поддержала маму.

---

¹¹ Все женщины моей семьи (буба, мама и Нина) мечтали жить в Ленинграде. Как говорила буба, они готовы пойти туда пешком по шпалам. Папа всегда хотел жить в Киеве и три раза (из Ленин-града, Кореи и Бугульмы) возвращался с семьей в него [Рог15].

Киев в пятый раз

*Специальность подходит.
Ваша анкета – нет.*

В этот раз торжественную встречу, да еще в будний день, не устраивали. Ехали мы в трамвае одни. «Тридцатка» ходила от вокзала до Печерского моста. В начале мая в Киеве, в отличие от Купавны, было жарко. Нина куталась в теплое пальто, я пару раз предлагал снять его. Ждали, когда мама придет с работы. Дома мама почувствовала, что у Нины жар. Измерили температуру – оказалась под 40°. Вызвали врача. Это была не простуда – токсикоз при беременности. Здравствуй, Киев!

Нина достаточно быстро поправилась. Я пошел искать работу. Да, конечно, возьмем, но сначала прописка. В паспорте стоял штамп о браке, и прописываться нужно было вдвоем.

С моим будущим коллегой Лёпой Половинкой произошла следующая история. После института он был направлен на таганрогский завод «Прибой», серийно производящий гидроакустическую аппаратуру. Его маме удалось сохранить прописку, в Таганроге у него была временная в общежитии. Там он серьезно заболел: много работал, плохо питался, открылась язва. Его оперировали – не вполне удачно. С Лёпой работала чертежница со странным именем Кóза, которая стала навещать его в больнице. Она уговорила маму, врача, привезти его после больницы домой – без ухода он мог не выжить. Родительница согласилась. Лёпа в квартире задержался. Кóза ухаживала за ним уже не как за больным, а как за мужчиной в соку. Лёпа, «как честный офицер», посчитал себя обязанным жениться – к восторгу верной сотрудницы. Она уговорила Лёпу, не дожидаясь окончания отработки после диплома, вернуться в Киев, а медицинские обоснования она обеспечит. Лёпу отпустили.

В Киеве Лёпа, прежде всего, стал прописывать Кóзу (а следовало устраиваться на работу). В милиции вежливый начальник в паспортном столе спросил, почему у него стоит временная таганрогская прописка. Лёпа бесхитростно ответил, что он там был по направлению после института. «Значит, Вы не выписались, как положено, в свое время, из Киева?». Лёпа смутился. О маминых усилиях сохранить возможность его возвращения в Киев он, может быть, и не знал. «А теперь хотите прописать и вывезенную из Таганрога жену?». Не знаю, присутствовала ли при этом Кóза. Ее рыжие, выкрашенные в почти красный цвет волосы, респектабельности ей, как будущей киевлянке, в глазах начальства не добавляли. Начальник взял Лёпин паспорт и решительно перечеркнул его киевскую прописку. Без прописки нет работы. Возвращаться в Таганрог? – Но Кóза не для того выходила замуж за Лёпу, чтобы вернуться домой. Помыкавшись месяца полтора без работы, Лёпа нанялся в единственное место, куда его взяли – в зоопарк, кормить зверей.

КПИ и зоопарк находятся напротив друг друга. Однажды на Лёпу наткнулся любимый профессор М. И. Карновский. Любовь была взаимной – Марк Ильич выделял Лёпу из группы. Он взял его на кафедру, но постоянной работой обеспечить не мог – прописка мешала. Но отношения кафедры гидроакустики и п/я 153, были довольно тесными. И директор НИИ, к тому времени уже Н. В. Гордиенко, взял не прописанного Лёпу на работу старшим инженером. С пропиской тоже вопрос решили – сотрудник НИИ Глазьев прописал Лёпу в генеральском частном доме своего отца на Нивках.

Эту историю я не знал, а выписали меня из Киева в 1958 году, когда я поступил в ЛПИ.

Освобожденный, как и Нина, от любой прописки, но со свежим штампом о браке, я начал искать работу. Меня тут же вернули к исходной точке – сначала прописка. Но для прописки нужно было и основание – например направление на работу, а у меня было свободное распределение. Площади трехкомнатной «распашонки» для прописки нас двоих не хватало. Папа

послал меня к бабушке, которая, как он думал, знала пригороды Киева, где жили ее знакомые из сел, в том числе в собственных домах. Бабушка сказала, что за Киевом есть хутор Нивки, и там, где именно, она четко не помнила, жила до недавнего времени ее молочница. На окраинах Киева я давно не был и, хотя представлял, что там может быть, но все-таки туда поехал. Добрался с двумя пересадками. Нивки уже были «они», а не он (хутор). Застроены пятиэтажными домами, из-за которых кое-где выглядывали коттеджи. Не селян, конечно, а отставных военных высокого ранга. Правила прописки те же, что и в центре Киева.

Наш паспортный отдел там и находился – прямо на Крещатике. Я уж и не помню, зачем я туда пришел – не прописываться же. Понятно, что это было невозможно, а приемов типа «может, как-то договоримся» я и тогда не знал, и потом так им и не выучился. Кроме всего, этого «как-то» у нас и не было, да и обсуждать его прямо в паспортном столе смысла не имело. Все-таки я просунул голову в окошко и увидел капитана милиции со спокойным, внимательным лицом. Я рассказал капитану свои обстоятельства, показал документ о свободном распределении, не утаил и того, что ждем ребенка.

Может быть, это обстоятельство и сыграло роль.

Капитан Иванова покачала головой, подумала и сказала: «Вот Вам анкета, заполните правильно все графы. Принесите все документы, включая просьбу квартиросъемщика и согласие ведомства, за которым числится дом. Графу «состоите ли в браке» не заполняйте. По правилам сын всегда может быть прописан на площади родителей. Дежурю я через день в это же время».

Через день, не веря, что меня пропишут,¹² я подал документы в окошко. Через двадцать минут получил штамп в паспорте.

Ну, теперь-то, какие проблемы? И я помчался в Институт Кибернетики, оптимистически забыв свою неудачную попытку сделать практику по автоматическим системам в отделе А. И. Кухтенко. Начал я с В. И. Тация (руководителя моей преддипломной практики). Когда я с трудом разыскал его новый телефон, его на месте не было. Виталий, оказывается, через день защищал кандидатскую диссертацию по теме, связанной с автоматической системой прочностных испытаний крыла самолетов АН, по которой, по сути дела, я писал диплом (см. [Рог15], стр. 304). Как-то мне удалось с ним связаться и коротко сообщить о желании работать в ИК. Он просил прийти на защиту, при этом я недостаточно точно узнал, куда именно и как туда (по списку) пройти.

Поэтому попал я только на конец защиты – происходила она, почему-то в (актовом) зале Точэлектроприбора – вероятно на сборном разовом Ученом Совете, которые широко практиковались тогда в Киеве. Таций успешно защитился, никаких следов аналитического решения задачи, которое я получил на дипломе и этим пытался «украсить» его диссертацию на защите я не услышал – он и раньше говорил, что не успеет понять, освоить и правильно представить метод решения.

Расслабленные, в хорошем настроении в предвкушении банкета, сотрудники лаборатории и члены совета высыпали на воздух. Таций, возбужденный и радостный, тем не менее, заметил меня, пригласил на банкет и познакомил с заведующим лабораторией – Виктором Ивановичем Иваненко. Когда я девять месяцев назад был в его лаборатории, он отсутствовал – был в командировке в США чуть ли не как Master degree student – скрыв свою степень к.т.н.

Сейчас он стремился быстро закончить докторскую диссертацию, материалы для которой он привез из Штатов. Коротко взглянув на меня, он сказал, что сейчас сложное время и мест в лаборатории нет.¹³ Таций позже объяснил, что работа с КБ Антонова закончилась и никого эта

---

¹² Мы никому особенно и не рассказывали про прописку, мало кто бы поверил, я бы тоже воспринял это критически.

¹³ Он бы сэкономил мне много времени и нервов, уточнив, «для таких, как Вы». Через тридцать лет, будучи у меня дома в Германии, он поведал, что директор Института Кибернетики В.М. Глушков был известен как убежденный антисемит. Как у многих антисемитов, у него в институте были любимые евреи: Шор, Пог-ребинский и, не очень любимый, но терпимый Рабинович – чуть ли не единственный наследник С.А. Лебедева ([Рог 15]). При мне туда попал и Илья Майергойз – сын врача-

тематика больше не интересует, и ему самому придется искать соответствующее его новому статусу кандидата место. Я расстроился и на банкет не пошел.

Все же я решил попробовать еще раз у Кухтенко, в отдел которого входила лаборатория Иваненко. Он прореагировал стандартно: о, выпускник кафедры Лурье, сейчас оформим. Приходите завтра на работу. Назавтра он извинился, и сказал, что отдел кадров без его согласия и уведомления уже принял на это единственное свободное место другого молодого специалиста. Посоветовал подойти к А. Н. Голубенцеву в Институт Механики АН.

Александр Николаевич принял меня с энтузиазмом. Здание Института Механики еще достраивалось, и отдел кадров от приемной для посетителей отделялся какими-то звукопроницаемыми перегородочками. Голубенцев пошел с документами в отдел кадров, и сначала ничего слышно не было – разговаривали, видимо, спокойно. Потом громче, и, наконец, раздался раздраженный голос Голубенцева: «да написано же – русский. Ну, кто-то там еврей – отец или мать». Ему с сарказмом отвечал уверенный голос: «да, да, кто-то, а то неясно – Олег Абрамович».

Видимо, для обладателя спокойного голоса это было решающим аргументом – он, сам того не подозревая, в отличие от еврейских ортодоксов, был согласен с Баба Татрой (Вавилонский Талмуд): семья отца определяет национальность ребенка.

Красный и раздраженный, Голубенцев, еще недавно очень большой начальник, ворвался в кабинет, вернул мне справку и паспорт и попросил оставить анкету: я им еще докажу... Звонить ему я не хотел – зачем напрасно беспокоить человека, но все же на всякий случай позвонил и получил ожидаемое с порцией ругани в адрес «бюрократов».

Зашел в Институт Электротехники (тоже академический и тоже на Брест-Литовском проспекте). Ни Ивахненко, ни Кунцевича не было, зато на доске объявлений висел многозначительный приказ: «Ст. научному сотруднику Кунцевичу запретить в рабочее время заниматься работами, связанными с докторской диссертацией. Директор, академик АН УССР Ивахненко». Нет, подумал я, сюда меня не возьмут еще и по причине того, что «молодежь» кафедры Лурье не раз публично (на конференциях) делала из уроженца Кобеляк Ивахненко клоуна. У А. Г. Ивахненко с В. М. Кунцевичем, имелись принципиальные разногласия. Кунцевича, в отличие от его шефа, наша физмеховская кафедра привечала.

Побывал я еще в каком-то академическом институте, но понял, что делать это бессмысленно.

Кто-то посоветовал мне пойти к Г. С. Писаренко – известному механику, вице-президенту АН Украины. Рассказал про Институт Кибернетики – он поморщился. Когда же я рассказал об Институте Механики, он вышел из себя, попросил соединить его с кем-то оттуда: «Вы там у себя разберитесь. Выпрашиваете для себя кадры и выпускников, которых у нас больше нет, а когда к вам приходит выпускник кафедры Лурье – вы его не берете? В чем дело?». В чем дело, я ему постарался объяснить до этого, но он, видимо, решил не принимать известную, но неприятную действительность и «власть употребить». Увы... Его, видимо, по телефону попросили проконсультироваться с первым отделом Академии.

Он попросил меня перезвонить через два дня. Дозвониться ему после этого я не мог. Он все время отсутствовал.

Я ему благодарен – он попытался преодолеть систему.

Внизу меня подозвал секретарь Президиума Академии Денисов. Он попросил зайти к нему в небольшой кабинет и там спокойно объяснил, что есть установка ЦК – он дал понять, что не местного, а Центрального, о том, чтобы евреев в институты Академии Украины не принимать. «Вы знаете – сказал он доверительно – до войны на Украине в Академии Наук было около 40 % научных работников-евреев. И тогда это никого не волновало. Но потом присо-

единили Западную Украину, во время войны действовала нацистская пропаганда, после войны долго не могли справиться с бандеровцами. Для успокоения национальных чувств, чтобы не возбуждать антисоветских и антирусских настроений решили: евреев в Академию и в учреждения культуры не принимать, с руководящих постов убрать, но против русских все выступления пресекать. Это сработало». ¹⁴ Подтекст был – Вы же не хотите, чтобы была пища для пропаганды национализма. Я не хотел – папа чудом избежал после войны смерти от рук бандеровцев. Он был не ученым, а инженером, строил газопровод Дашава-Киев ([Рог], стр. 110). Денисов мог бы добавить, что в это время русскоязычных профессоров с украинскими фамилиями, (например, А. И. Кухтенко, И. Н. Коваленко, И. Л. Повха [Рог15] и т. д.) усиленно приглашали в Киев и на Украину для руководства отделами и Институтами Академии с предоставлением академических званий и квартир. А тех украинцев и русских, кто не считал нужным следовать установкам, усиленно выживали из Украины (например, Б. В. Гнеденко), а другие уезжали в Москву сами – Н. Н. Боголюбов, А. И. Ишлинский.

Невысказанным, но угадываемым пожеланием Денисова «звучало»: не приставать к Георгию Степановичу – может он и хочет (помочь), да не может.

Об опыте возвращения евреев в Киев после войны (фактически его запрета), в том числе моих родственников, я писал в книге первой [Рог]. Неожиданное подтверждение написанному там я нашел в солженицынском «200 лет вместе», в объяснении Хрущева чудом выжившей в Киеве при немцах старой коммунистке-еврейке Руже Годес: «На нашей Украине нам не нужны евреи. И мы не заинтересованы в том, чтобы украинский народ толковал возвращение советской власти, как возвращение евреев».

Что там говорить обо мне – среднем студенте из Ленинграда, когда блестящего студента Киевского университета, физика-теоретика «Эмика» Рашбу ¹⁵ «распределили» на строящийся завод «Прибой» в Таганрог. Выдающиеся ученые Н. Н. Боголюбов, С. И. Пекар, А. С. Давыдов договаривались с Министром высшего образования Украины и Академией Наук о направлении его к ним на работу.

Председатель комиссии по распределению проректор КГУ Шестаков сказал, что он в глаза не видел запрос из Института физики АН. В Таганроге стало известно, что имеется секретный приказ о привлечении к уголовной ответственности молодых специалистов, оставивших место назначения. Рашба и там, сидя фактически без работы, как и другие молодые специалисты (но получая все-таки зарплату), сумел отличиться, два раза найдя и исправив грубые ошибки разработчиков из ЦНИИ-10 (Альтаир) и НИИ-3 (Морфизприбор), через губу разговаривавшими с заводскими конструкторами. Когда его все-таки отпустили оттуда через полтора года, то Президент АН Палладин, пообещав поддержать его при зачислении в аспирантуру, не проронил ни слова, когда 10 аспирантских мест были отданы в Харьков с обоснованием: из-за отсутствия желающих поступать в аспирантуру. Указать Палладину «молчать» в то время мог запросто инструктор отдела ЦК.

«Обогащенный» негативным опытом, я начал тур второй – ящики. Ближним к Печерскому спуску, где мы жили, был «Арсенал». Там спросили про специальность, про прописку и предложили придти завтра с документами, включая шесть паспортов. Ну, четыре я еще мог насчитать, но шесть? «А еще паспорта родителей жены – мы организация серьезная». ¹⁶ Я поблагодарил за информацию. Беседовавшего со мной серьезного товарища позвали в соседнее помещение, а я, поймав показавшийся мне сочувственным взгляд его сотрудницы, спросил – а если отец жены пропал без вести? Она покачала головой – тогда вряд ли.

---

¹⁴ Увы, как раз в это время не приняли в ИФП блестящего диплом-ника Рашбы Кочелапа [Раш]. Из-за матери. На сей раз русской.

¹⁵ Его воспоминания приведены в эссе: «О себе, моих учителях и коллегах» [Раш]. Такого же рода биография с юмористическими дополнениями написана Ю.Я. Фиалковым «Доля правды» (fialkov.multima.net).

¹⁶ Они страховались от «пятой подгруппы» инвалидов пятой графы – см. главу о п/я 153.

Бандеровцев и власовцев уже простили, а пропавших без вести, которых никто не искал – нет.

На завод Артема я не ходил, в какой-то конторе на улице Чкалова, где размещалась часть академи-ческих институтов (ранее и лаборатория Антомо-нова [Рог15]) мной заинтересова-лись, и спросили, а в радиоправлении я что-нибудь понимаю? Я уже был готов на многое, в том числе и на это. И тут мне устроили форменный экзамен, заставивший вспомнить всю «военку» – весь радиотракт ракет В-750, все способы управления ими. Естественно, я многое забыл со времени лагерей после четвертого курса [Рог15] – мы надеялись никогда больше с этими ракетами не встречаться, а вот, поди-ж ты, пришлось. «Сел» я на транзисторных схемах – их в тех ракетах и не было. Понял, что не прохожу, но сказали позвонить через неделю.

Тут меня разыскал Виталий Тацкий. До перехода в Институт Кибернетики он работал в п/я 153 и был, кажется начальником Максима Цветкова – группы автоматического управления. Управления чего именно, он не сказал. Пришли. Вышел Максим, меня начал представлять Тацкий, но тут появился Глазьев и оттёр Максима. Он довольно подробно рас-спрашивал меня о кафедре, о дипломе, здесь слово вставил и Тацкий. Глазьев интересовался кругом чтения, моими увлечениями (слово «хобби» еще не употреблялось, по крайней мере, в серьезных раз-говорах). Узнав, что я прошел Пану и Варзугу на плотях на Кольском и Чуню в Сибири, тоже на «плотах» в виде сплотки резиновых лодок, он воодушевился, сказал Максиму – наш человек.

Мне Глазьев объяснил, что то, что делает Максим – это контур управления второго порядка с обратной связью и намного сложнее они ничего делать и не собираются. Зато у Глазьева в комплексном подразделении гораздо сложнее и интереснее. Он сказал, что сам из Ленинграда, закончил ЛГУ, но волею судеб очутился здесь и не жалеет. Глазьев меня весьма впечатлил. Он ушел с документами в отдел кадров, через некоторое время вышел ко мне несколько разгоряченный и сказал, что все в порядке, – увидимся после оформления. Потом меня долго муржили в отделе кадров, заставляли писать и переписывать анкеты, важным оказался номер специальности в военном билете. По ней они могли увидеть, что у меня уже есть второй допуск. Но сказали, что все будет проверяться – и не меньше месяца, а то и двух. Я это понял так, что интервал с «зайдите завтра» увеличился до «зайдите через два месяца».

И я пошел искать работу в третьем слое – в КБ, в которых не нужно было допуска.

Уже зная, где расположен «Точэлектроприбор», я решил начать с него. Не помню, то ли проехал лишнюю остановку, то ли там был перерыв, и я оказался на заводе «Реле и автома-тики». Там со мной не стали церемониться – отобрали свидетельство о свободном распре-делении, подшили в папку и сказали: завтра выходите на работу. На мою попытку что-то узнать о возможном месте приложения моих слабых сил сказали – вы и так направляетесь в КБ новых разработок – какого рожна вам еще нужно? Оказывается, была еще и группа, потом КБ «новей-ших разработок», в которой работали энтузиасты под руководством Семененко. Но с ними я познакомился позже. В КБ Семененко двадцать лет проработала программистом моя племян-ница Юлия Хасминская. Кажется, оттуда вышел и мой будущий коллега Айнварг.

И я вышел на работу. Пришлось делать то, что я больше всего не любил – чертить. Правда были еще и расчеты, но это много времени не занимало.

Что-то мы чертили (у меня кульмана, кажется, даже не было) и считали. Но было это так неинтересно, что оставляло много нерастроченной энергии. Знакомился с соседями по рабочему месту.

Одним из них был флегматичный парень по фамилии Мешик. Его как-то сторонились, я не понимал, почему. Был он со странностями. Как-то рассказал, что всегда покупает две одинаковые пары обуви, так как обычно из строя выходит «одна туфля». Поэтому носить их нужно попеременно, чтобы одинаково снашивались. Разумная привычка, только откуда у него, скромного инженера, имеется возможность покупать две пары, да еще приличной импортной обуви? Когда проявились еще какие-то удивлявшие меня подробности жизни отрока из семьи,

не имевшей никаких материальных, правовых, да и моральных ограничений, я поинтересовался у других, а кто он такой? Мне и объяснили – сынок «того» Мешика, министра МВД Украины, расстрелянного вместе с Берией.

Кажется, с него я и начал блиц-тест проработавших в среднем по пять лет конструкторов, большинство из которых были женщинами. На вопрос: чему равен $\cos(90^\circ)$ я получил полтора правильных, шесть неправильных, один шуточный ответ. Еще один меня послал. Кажется, это был местный «пылеглод» (энциклопедист) гордо носивший на пиджаке, в котором он ходил и летом, два поплавка.¹⁷ Недавно назначенный начальник КБ, седой представительный мужчина, восседал на некотором помосте в конце довольно большого зала. На мой взгляд, он был уже старым – около 50. Это был пик его карьеры с хорошей зарплатой – 200 рублей. Мне назначили 85.

Отдушиной от рутины являлась возможность получить библиотечные дни. Народ кучковался по

«интересам» и практиковал групповые выезды. Однажды случайно попал в такую группу и я. Удивился, что едем не в ту сторону. Оказалось, на пляж. На Матвеевский залив, подальше от народа. Провели там целый день. Женщины запаслись едой, мужчины выпивкой. Уединялись, благо было где.

Были ли это привычные пары, или что-то делалось спонтанно, не знаю, но у меня участвовать в этом «развлечении» желания не было. Меня никто и не «нагружал», но больше в библиотечные группы я не попадал. Как объясняли дамы на работе и дома загар, полученный в библиотеке ниже декольте, не знаю. Лето 1964 года было теплым и длинным (об этом еще расскажу ниже). Кончилось оно для меня с летними каникулами.

Неожиданно пришло письмо из п/я 153 – явиться для переговоров. Допуск пришел. Но трудности еще оставались.

---

¹⁷ Нагрудные значки об окончании институтов – одинаковые для однотипных вузов. Ведущие ВУЗы страны имели оригинальные значки. Таких ВУЗов (и значков) на Украине не было.

Нина в «Спирте»

После того, как меня прописали, прописка для Нины препятствий не встретила. Устройство на работу, казалось, не должно быть трудным. У Нины был двухгодичный опыт работы в химической лаборатории, два курса химико-фармацевтического института, и искала она должность лаборантки. Но оказалось, что это не просто. В академические институты ее не принимали. Говорили, что химиков и биологов в Киеве много, а «местов» мало. На самом деле дефицитные места лаборантов в академических институтах заполнялись «блатными» дочками, которых трудно было чему-то научить. В этом призналась Нине зав. лабораторией в Институте биохимии, попытавшаяся ее взять на работу. В академических институтах «кадрам» мог не нравиться и Нинин паспорт – вона була москалька.

На химфармзавод устроиться было еще сложнее – туда из-за льгот и относительно высокой зарплаты хотели устроиться многие, особенно матери-одиночки. Находился завод в начале улицы Саксаганского, и жуткий запах от него распространялся на несколько кварталов. Нина знала, что это такое по опыту купавинского завода «Акрихин» и поэтому туда не очень-то и хотела.

В 60-е годы Киев переживал научно-технический бум. Строились и расширялись заводы, КБ, институты, лаборатории. В новом здании Института спирта и биотехнологии продовольственных продуктов, недалеко от Брест-Литовского проспекта, заводделом Никитин принял Нину сразу, правда ее паспорт ему тоже не очень понравился – была замужем. При этом кому-то сказал, что надеется, что хотя бы эта девушка не забеременеет сразу. Нина была уже на пятом месяце – ее приняли на работу в мае, а я продолжал искать работу.

Ездить было далеко, зарплата небольшая, но в те времена прерывание стажа грозило существенным понижением выплат по больничному, что при ожидавшемся ребенке представлялось неизбежным. Кроме того, для продолжения учебы, пусть и не сразу, требовалось наличие работы.

Коллектив в лаборатории был дружный, никаких стычек в преимущественно женском коллективе не было – он управлялся твердой рукой заведующего.

Одна из сотрудниц – Тамила – справляла новоселье. Дом находился недалеко от института, никаких отговорок она не принимала, а открывать преждевременно уважительную причину отказа от визита Нина не хотела, и мы пошли.

Оказалось, что двухкомнатную квартиру получил муж Тамилы – капитан КГБ. Было жарко, в холодильниках стояли чувствительные к жаре вещи, включая Киевский торт, водка рядом стояла на холодильнике.

Женскую половину составляли в основном коллеги молодой хозяйки, мужскую – сослуживцы ее мужа. Я оказался инородным телом, что обнаружилось, когда я отказался от водки (теплая, в жару) и попросил сухого вина. Кисленького? – удивился мой сосед слева, с которым мы поддерживали беседу по поводу их ведомственной команды – «Динамо». Застолье шло своим чередом, тосты и шутки, правда, были специфическими, но терпимыми. Когда кончились основные блюда и девушки уже убрали стол, а мужики пошли к окнам курить, я остался за столом, прикидывая как бы нам благородно смыться – уйти по-английски здесь не понимали. Вдруг появился мой сосед и торжественно поставил передо мной киевский торт – весь. С чего бы это? – выразил я недоумение. «Раз человек не пьет водки, значит, он любит сладкое!» – провозгласил коллега капитана, удачно и к месту использовав почти забытую спецпсихологию. Мы поблагодарили, нашли правдоподобную для него причину отказа и откланялись. Крепко учили наших защитников – ни один подозрительный, вроде меня, мимо них просочиться не мог.

После того, как Нина стала работать, можно было думать о продолжении учебы.

Попытка перевестись на химфак киевского университета была решительно пресечена: вы учились в России, не знаете украинского языка, так что учиться там – нам на Украине инженеры-биотехнологи не нужны, мы их и не готовим.

Уровень общения, как и уровень преподавания на химфаке [Фиал] не пробуждал ни малейшего желания там учиться. Да, Нина не смогла бы ответить на вопрос: що воно такэ: «платинка, занурена у лугу»,¹⁸ но у нее это даже не спрашивали.

Оставалось надеяться на восстановление в Химико-фармацевтическом институте в Ленинграде. Этот вопрос решился только после того, как мне удалось устроиться на работу.

---

¹⁸ Пластика, погруженная в щелочь

Рождение коренного киевлянина

Нина ушла в декретный отпуск меньше чем за два месяца до родов – врачи сэкономили одну неделю декретного отпуска (он был тогда, кажется, два месяца до и три после рождения). Насколько я помню, первое появление Нины в женской консультации привело к недоразумению – занятая врач выглянула в коридор, где сидело несколько ожидающих, посмотрела на Нину и спросила – «А ты что здесь делаешь? Иди домой и без мамы не приходи». Ей показалось, что Нине пятнадцать лет. Документы рассеяли ее подозрение, и она даже извинилась.

Носила Нина ребенка хорошо, мало кто до восьмого месяца догадывался, что она беременна.

По молодости и глупости мы этим злоупотребляли.

Так однажды (не в первый раз) мы с Ниной поехали вместе с моим другом Вадиком на пляж. Нужно сказать, что Вадик уделял нам и Нине особенно, довольно много внимания. Если Вадика Нина приняла сразу, то и Вадику Нина понравилась, что не всегда случается в отношении жен близких друзей. Добрались до Довбычки (метро и моста на нее еще не было, туда ходили «лапти»). Взяв напрокат лодку, отправились в наши «пристрелянные» места на Матвеевском Заливе. Там было достаточно тени, хороший вход в воду. За разговорами, едой, историями время прошло незаметно и тут мы поняли, что опаздываем на футбол.

Мы с Вадиком гребли изо всех сил. Но скоро стало понятно – опаздываем. Кому в голову пришла идея попроситься на буксир к моторным лодкам, нас обгонявшим, не помню – скорее всего, мне, у которого авантюризма было гораздо больше, чем у Нины и Вадика. Первая же лодка согласилась нас взять на буксир и мы, как короли, ехали на моторной тяге. Но тут буксировщики посмотрели на часы, и увидели, что тоже опаздывают. Мы пошли быстрее, но бурун перед носом лодки стал перехлестывать в нее. Наши крики и махания руками были поняты слишком поздно. Мы были уже на траверсе Довбычки, недалеко от лодочной станции, когда лодка наполнилась водой (мы шляпами вычерпывали ее поступление) и начала погружаться в воду. Буксир остановился – подводную лодку он буксировать не собирался, да и не мог. Мы уже были одеты, так что вещей у нас было мало, а вот лодочные весла почему-то плавать не хотели и утонули сразу. Конечно, основное внимание было приковано к Нине – по пляжу разнесся призыв: спасайте беременную! Но беременная на животе, который служил воздушным пузырем, держалась не только спокойно, но ее разбирал смех от всей этой суеты. Несколько гребков брассом и она уже смогла встать на дно. Мы же действительно суетились – нужно было спасти вещи, нырять за утонувшим веслом и поднимать лодку с водой. Нам повезло – она затонула неглубоко, и мужское население пляжа ее вывело поближе к берегу, перевернуло, чтобы вылить воду и даже подвело к пристани проката.

Когда, полуобсохшие, мы ехали домой, на нас снова напал смех. Инициатором была Нина. Она, пытаясь сдерживаться, так заразительно смеется, что я никогда не мог устоять и меня тоже разбирал смех. Присоединился к этому ни с чего взявшемуся веселью и сдержанный Вадик. Не помню, попали ли мы на футбол.

Насколько влияют пренатальные впечатления на ребенка, до сих пор спорят, но Дима занимался плаванием, потом водным поло и даже «был оформлен» кандидатом в мастера спорта.

Все шло более-менее нормально, мама успела вовремя отвести Нину в роддом возле Печерского рынка. Звонили мы в роддом чуть не каждые два часа, роды шли непросто, и, наконец, в воскресенье, четвертого октября в десять вечера сказали: в 21.45 родился мальчик – 51 см, 3, 5 кг.

Острый приступ радости, охватившей меня, был похож на приступ помешательства, я бегал с Таней вокруг дома, она подсказала, где можно сорвать цветы с клумбы – где же их

достанешь в десять вечера в воскресенье. В роддом нас, конечно, не пустили, даже дверь не открыли.

Мама, Дима и Нина – все счастливы

Дима, в отличие от меня, при рождении стал коренным киевлянином – у него не только дед родился в Киеве, но прадед и прапрадед тоже жили в Киеве и имели собственные дома – дом прапрадеда на Керосинной сохранялся в Киеве еще в начале XXI века.

В понедельник, встретив по дороге своего старшего коллегу Витю Лазебного, я, как можно более спокойно, сказал, что у меня родился сын. Витя прореагировал как-то прохладно и сказал, что у него уже два, и он особой радости от этого не ощущает.

На работе, где я еще не всех знал (работал три недели) все были перегружены новостью – сняли Хрущева! Первый раз сняли, а не помогли умереть и не расстреляли.

Сына мы думали назвать Игорем (нередкая, как оказалось, связка Олег-Игорь), но нас отвадила от этого Лена – уборщица (потом продавщица) в молочном магазине, находившемся в нашем доме. Жила она на третьем этаже и, выходя на балкон, а иногда и прямо из окна кричала истошным голосом: Ииии-гор! ... Ииии-гор! – пока ее отпрыск не вылезал откуда-нибудь, понимая, что количество шлепков будет зависеть от его задержки. И мы решили назвать сына Димой. Оказалось, что в эти годы так называли многих – нам-то казалось, что это имя нечастое. Но дома его неофициально звали Василием – Васей в память о пропавшем без вести отце Нины.

Проблемой тогда было все, включая детскую кроватку (пришлось вязать страховочную веревку в качестве ограждающей решетки). О приличной коляске и говорить не приходилось – она досталась от кого-то из знакомых за умеренную плату. Дом наш на Печерском спуске 17 стоял в стороне от проезжих улиц и транспорта. В ведомственные дома, составлявшие наш закуток, обязательно селили новоиспеченных представителей пролетариата – в недавнем прошлом сельских жителей. Среди них находились любители выпить на «халяву». Попав из села, где все с детства было под контролем родителей и соседей, здесь они почувствовали свободу и некоторые из них решили, что раз не увидят и не узнают, то можно. Обычно это не сопрягалось с проникновением в квартиру, но коляски, велосипеды и прочие табуретки нужно было, как мы убедились, заносить в наши очень малогабаритные квартиры.

Пятиэтажная «хрущоба» была, конечно, без лифта и Нине приходилось заносить сначала Диму, затем продукты, а потом коляску на четвертый этаж.¹⁹ Однажды коляска оставалась внизу чуть дольше, чем обычно и когда за ней спустились, ее уже след простыл. Купить приличную коляску было нельзя, ее нужно было «доставать».

Нагрузка на Нину возросла многократно, но она все делала быстро и в «охотку», если так можно выразиться – все ее любили, атмосфера в семье была дружеская, у Нины появились любящие родители и сестры.

Первый визит участкового педиатра, точнее детской врачихи, стал прологом к дальнейшим неприятностям. Молодая, уверенная женщина, сняв пальто и не вымыв руки, прошла к Диме, просюсюкала «какой холосенький» и наклонилась над ребенком. При этом стетоскоп, свисавший с ее шеи, которым она так и не воспользовалась, с размаху ударил металлической головкой по голове Димы. Он обиженно заплакал, у Нины выступили на глазах слезы. «Ничего, ничего», успокоила врачиха, «вижу, что ребенок здоровый, пришлю патронажную сестру». Патронажную сестру не помню, но она, в отличие от врачихи, была профессионалом. А врачиху, по фамилии Воронежская, пару лет назад поймали на крупных взятках – она была инспектором санэпидстанции (заканчивала, по собственному выбору, факультет санитарно-гигиены) и должна была сесть и лишиться диплома. Но у нее нашелся способ отмотить грехи – взятки натурой. И медицинское, а за ним и судейское начальство, после «апробирования», ее наказало, но без лишения диплома. Ей запретили работать в санитарной инспекции, т. е. лишили возможности жить как прежде, на широкую ногу. И она вынуждена была пойти на тяжелую и малооплачиваемую работу – участковым педиатром.

Дома Дима пользовался всеобщим вниманием. Все хотели его потетехать. Помню себя, приходившего с работы усталым не столько от физических, сколько от ментальных нагрузок. Нужно было осваивать большой объем информации и производственных отношений – все для меня было новым – и при этом в короткие сроки. После ужина я брал Диму и ложился на тахту, кладя его на грудь. И мы засыпали. Оба. Я-то тогда готов был спать в любую свободную

---

¹⁹ Этажность моего жилья в Киеве со временем росла в квадратичной зависимости: 2, 4, 16, количество комнат – в арифметической прогрессии, начиная с нуля: 0, 1, 2, 3. На четвертой итерации в Киеве по комнатам мы решили вернуться по этажности на вторую итерацию – четвертую итерацию (256 этажей) в Киеве, надеюсь, строить не будут никогда.

минуту – в трамвае, например, на что Нина сердилась – считала это неприличным. Как удавалось заснуть Диме, не знаю – он ползал по моей неширокой груди и как-то затихал.

В марте 1965 Таня (тогда десятиклассница) привезла из Белгорода бубу – мою бабушку по материнской линии. Она вынянчила меня, потом Таню, потом Веру – нашу двоюродную сестру, дочь маминого брата Андрея (см. книгу первую [Рог]).

Ей было 78, она уже стала слабенькой. Все равно просила хотя бы поддержать Диму на коленях. Дима около года уже начал ходить и говорить. Интересовался домашними электроприборами и мы, «молодежь», это поощряли.

Очень хотел включать или выключать телевизор, но это ему было еще не по силам – ручки переключения²⁰ и выключения требовали существенных усилий. Когда Дима, только начинавший ходить, после включения телевизора начинал марш к нему, чтобы попытаться на него воздействовать, взрослые «издевались» над ним. Ползунки, в которых он ходил, завязывались у него на плечах «на бантики» и достаточно было незаметно (и коварно – сзади) потянуть за концы ленточек, как ползунки с него сваливались, и он вынужден был их подхватывать обеими ручонками и останавливаться. Его приводили в прежнюю позицию, завязывали тесемки, и он тут же начинал свой марш к телевизору. Тесемки снова развязывали, и все начиналось сначала. Дима понимал: что-то мешает достичь цели, но заподозрить родных в коварстве не мог и сердился из-за неведомых препятствий. Потом буба или мама просили прекратить «издевательство» над ребенком и его отвлекали от телевизора какой-нибудь забавой.

В воскресенье мы делали закупки (очень не люблю киевского словечка «закупались») на небольшом и недорогом Печерском рынке. Ходили мы туда вместе с Ниной и приносили полные десятикилограммовые «авоськи» овощей и фруктов, иногда я брал еще и абалаковский рюкзак, чтобы второй раз не ходить.

В мои обязанности входило также натирание полов – папа приучал меня к нему еще с детства. В квартире деда на улице Саксаганского 31 (см. книгу первую, стр. 51), где мы жили после войны, дореволюционные наборные полы после натирания²¹ преображали комнату – она становилась праздничной, несмотря на то, что свободного пространства оставалось не много. На Печерском спуске такого эффекта добиться было невозможно, но квартира становилась опрятнее. Кроме того, уже был электрический полотер с ручкой.

Дима всегда с большим интересом наблюдал за этим зверем и норовил с ним поиграть в догонялки. Убедившись, что кожух полотера не нагревается, я посадил Диму на него, научив держаться за ручку, за которую я водил полотер. Восторгу ребенка не было предела – он ездил на настоящем моторе. Кроме того, он еще выполнял полезную функцию – увеличивал давление щеток полотера на пол, что повышало эффективность натирания. Все наблюдали эту верховую езду с разными чувствами: кто радовался вместе со мной и Димой, кто беспокоился, кто считал, что это до добра Диму или полотер не доведет. Я не предусмотрел одного. На кожухе, на котором восседал Дима, были отверстия для охлаждения мотора. Они были такого малого диаметра, что принести вред человеку работающий полотер не мог. Взрослому человеку, который ведет ручку полотера или ребенку, который держится за нее двумя ручонками.

Дима вполне освоился с ролью всадника и готов был натирать полы каждый день. Он уже держался одной рукой, размахивая второй и крича что-то вроде «ула».²² Как и все дети, он был любопытным. Однажды, когда ему надоело кричать «ура» он решил исследовать, что будет, если попытаться засунуть палец в дырку. Указательный палец не прошел, водитель полотера на секунду отвлекся, и Дима засунул туда мизинец. Крик, шум, плач, кровь. На мизинце еще долго

---

²⁰ Тогда было всего две программы, обе всесоюзные, с включением киевских новостей или значимых мероприятий.

²¹ Сначала ползал, чистя и намазывая паркет воском, потом натирал с щётками на ногах, а затем доводил до блеска, танцуя с суконками.

²² «Ула-ула – пепе» появилось через два года, когда они праздновали с дедом красным вином победу киевского «Динамо»

оставался шрам от пореза. Диму отстранили от езды, а я получил по полной за эксперименты над ребенком.

То, что у семи нянек дитя без глаза, проявилось в конце 1965 года. Я был на испытаниях в Феодосии, Нина поехала в Ленинград на первую после перерыва сессию в институт. Появились мы почти одновременно – в доме был бедлам – происходил ремонт, Димы не было. Впервые видел даже не плачущую, а рыдающую маму, повторявшую сквозь слезы: «Не у... бе... рег... ли!»

Замерло сердце. Нет, Дима был жив. В больнице, в тяжелом состоянии.

Предшествовал этому не вовремя начатый ремонт и наплевательское отношение работяг к жильцам – им почему-то нужен был сквозняк в квартире конце ноября.

Но главную лепту внесла «врач» Воронежская. Она успокаивала маму, что у Димы сначала легкое недомогание, потом, что простуда, потом что-то еще неопасное. Через пару часов после ее последнего посещения мама, наблюдая Диму, забеспокоилась и вызвала скорую. Повезло. Приехала хороший доктор. «Немедленно в больницу – у него двустороннее воспаление легких!». Больница была недалеко – на Цитадельной, скорая Диму туда и отвезла. Мы ринулись в больницу. Туда не пускали, было поздно. Сжалившаяся нянечка сказала, что ему делают горчичную ванну, можно даже заглянуть в окно первого этажа. Ничего толком видно не было, но врачи и медсестры не суетились, вели себя спокойно. Утром нам сообщили, что Диме стало лучше, через несколько дней его выписали.

Это был другой ребенок. Ставший заметно легче, спавший с лица, заторможенный. Уже активно употреблявший первые слова, Дима перестал говорить, и не говорил год. Невропатологи и педиатры в один голос говорили, что кора головного мозга настолько хорошо защищена в этом возрасте, что никаких изменений произойти не может. Мы как бы успокоились, патологии действительно не было, но сомнения о влиянии такого стресса на способности ребенка у меня остались.

В наших соседних пятиэтажных хрущобах на четыре подъезда каждый, у «педиатра» Воронежской в этот год умерло пять или семь детей. Она была на дружеской ноге с их мамами, большинство которых не так давно приехали из сельской местности, обедала и не отказывалась от стаканчика с ними, легко давала и продлевала им бюллетени. Советская медицина была самая бесплатная в мире.

Проблемы с местами в детских садиках в Киеве еще не кончились и нам посоветовали отдать Диму в ясли, тогда в садик он переходил автоматически. И Диму, и Нину было жалко, но мы почему-то не видели выхода из положения, а нанять приходящую няню уже не было возможности – все сельские устраивались на стройки или заводы и через несколько лет получали квартиры на массивах.

В ясли на бульваре Леси Украинки Диму отдали, когда ему еще не исполнилось двух лет. Привыкал он к ним долго и тяжело. Болел, и Нина часто сидела с ним дома – больничные врачаха давала и продлевала без проблем.

Пора вернуться к моим приключениям с работой. Напомню, что в конце августа я получил открытку с просьбой явиться в п/я 153 для переговоров.

Первые месяцы в ящике

Как рассказывал Максим Цветков, они с Глазьевым еще при первых переговорах, а может быть при оформлении, пошли к Пронищеву, который тогда был за главного и на режиме и в отделе кадров. Пронищев посмотрев в паспорт, сказал – что такое? – Олег Абрамович – русский. Тут Глазьев перешел в наступление – «а Вы классика пролетарской литературы Горького читали?» – «Ну причем здесь Мать?» ошарашено спросил Пронищев. «Да я не про нее, родимую. В пьесе «На дне» действует представитель органов (Глазьев выдержал паузу и Пронищев проникся) правопорядка, околочный надзиратель Абрам Медведев. Он что, по-Вашему, тоже еврей? А люди нам нужны – сами найти не можете, а тут человек со вторым допуском». Аргумент сработал, и мое дело запустили по инстанциям. Вынырнуло оно через полтора месяца, и у меня возникли трудности с увольнением из «Реле и Автоматики». Они не хотели мне отдавать ни свидетельство о свободном распределении, ни трудовую книжку. Не помню, помог ли ящик, но через две недели меня освободили.

7 сентября 1964 года меня зачислили в лабораторию № 32 п/я 153.

Эту самую длинную главу моей биографии можно было бы назвать ортогонально к книге «50 лет украинской гидроакустики» – «О расс(ц)вете и закате гидроакустики на Украине». Рассвет я не застал, самый романтический период прошел без меня, а вот расцвет и сумерки я видел. Развал и, по-немецки точнее – не закат, а «Untergang», прошли без меня.

В первый день моего появления оказалось, что Глазьев отсутствовал – он был на дополнительных испытаниях «Оки». Меня принял начальник отдела Олег Михайлович Алещенко. Симпатичный, хорошо говоривший, расспрашивающий меня о бэкграунде, он предложил, пока не будет Глазьева, присмотреться к лаборатории и работе в ней, найти слабые места в том, что делается и выбрать себе интересную задачу. Такого я не ожидал. Я понятия не имел ни о гидроакустике, ни о гидроакустических приборах. Через месяц я должен был представить письменный отчет с предложениями. Одна соринка осталась в глазу: если Глазьев, походя, впечатлил при первой встрече, то Олег Михайлович хотел произвести впечатление. На меня, ничего из себя не представляющего юнца?

Лабораторию 32, в которую меня зачислили с 7 сентября 1964 года, еще недавно возглавлял сам Алещенко. Теперь ею руководил Глазьев.

Глазьеву, после успешных испытаний «Оки», в которых он принимал деятельное участие, разрешили создать группу точного пеленгования. Группа должна была выяснить некоторые принципиальные вопросы и провести эксперименты, которые подтверждали бы теорию (и могли бы быть использованы в его диссертации). Глазьев мне объяснил, что в лаборатории автоматики занимаются довольно примитивными вещами и реализуют только то, что задает им комплексный отдел и, в частности, его группа.

Сотрудники были молоды, жизнерадостны, атмосфера дружеская. Можно было расслабиться. Но мне предстояло выполнить завет Ленина комсомолу: учиться, учиться и еще раз учиться.

В 32 секторе шла напряженная работа по доводке и сдаче вертолетной гидроакустической станции «Ока» и ее модификации для кораблей. Ударной силой были Сережа Мухин, Витя Кирин, занимавшийся больше документацией, Костя Пехтерев, незаменимый настройщик Витя Костюк и Виталий Тертышный. У Виталия была дополнительная нагрузка – он должен был заканчивать вечерний факультет КПИ.²³ Уже приобретали опыт комплексников Юра Самойленко, Саша Москаленко. Кроме того, в секторе были созданы «научные» группы

---

²³ Алещенко проявлял заботу о преданных сотрудниках – мы с Витей Кондрашовым, выпускником МАИ, послались пару раз на экзамены Виталия в КПИ по математике для подстраховки.

по направлениям: эхолокации (Леопольд Половинко), шумопеленгованию (Игорь Юденков) и точному пеленгованию (сам Глазьев). Кроме них была группа расчета гидрологоакустических условий (Эдит Артеменко) В ней работали математик Лида Горновская, Люба Кришталь, Валя Тарасова, Лариса Педенко и Катя Пасечная. Числились в лаборатории в чем-то для меня похожие Таран и Тронь – брат автора известного военно-морского справочника. Второй из них был с большими претензиями, в чем мне скоро довелось убедиться.²⁴

Виктор Львович Кошембар тоже числился в лаборатории, но он находился в распоряжении Алещенко и был во многих вопросах для него советником и учителем.

Самой яркой личностью лаборатории был Леопольд (Лёпа) Половинко. О нем, как и о Кошембаре, расскажу позже.

В первые месяцы моего пребывания на работе начальникам было не до меня. В отсутствии Глазьева мне дали месяц на вхождение в курс дела (какого?), а потом от меня ждали идей, куда идти (плыть) дальше. Моей специальностью (теорией управления) не пахло, и я погрузился в теорию оптимального обнаружения.

Забегу немного вперед. В конце 1964 года в Ленинграде проводилась конференция молодых специалистов оборонки, на которой рассматривались вопросы обнаружения и определения координат целей (имелось в виду радиолокационных) в условиях помех. Желающих поехать на нее не имелось, а я хотел воспользоваться представившейся возможностью и съездить в Ленинград, чтобы попытаться восстановить Нину в институте (перевести на заочное отделение) и повидать друзей.

Глазьева замещал Игорь Бойко. Игорь обратил на меня внимание, когда я «терзал» Троня на предзащите его диссертации. Контакт с Игорем у меня было немного, но все позитивные – мне он нравился манерой общения и принципиальностью.

Меня в это время «бросили» на составление сводной заявки на комплектующие детали на следующий год. Она должна была учитывать и потребности специализированных отделов, работающих по темам, которые вел отдел. Имелась «рыба» с прошлого года, какие-то отписки-дополнения от спецподразделений, но все понимали, что все это похоже на «туфту» – в новом году возникнут новые потребности, вспомнят и что-то забытое и дозаявлять комплектующие придется в оперативном режиме.

Врожденные пороки планового хозяйства проявлялись здесь как в капле воды. Со мной они были связаны следующим образом. Срок представления заявки еще не вышел, я свой участок закончил и больше этим не занимался. За сводную заявку отвечал Игорь Петрович Юденков. Он сказал, что отпустить меня не может – а вдруг что-нибудь случится – а ему отдуваться. Кажется, от него я услышал впервые: «умри ты сегодня, а я завтра». В лагере он не был, но жизнь его не баловала. В 1943, когда ему было четырнадцать лет, его угнали на работу в Германию. Задержали его за пределами села, где он жил и где могли документально подтвердить его возраст. Игорь был рослым мальчишкой и с ним никто не стал разбираться. Немцы тогда уже мало обращали внимание на формальности. Полтора года он провел в крестьянском хозяйстве – кормил свиней. Пришла Красная Армия, командир части пожалел его и зачислил в хоззвод – свиней нужно было кормить и дальше. Игорь прослужил в хоззводе до Победы около месяца и стал участником Великой Отечественной. Сколько-то времени дослуживал в армии после войны, но он был все еще несовершеннолетним и его отпустили домой. Ему удалось окончить вечернюю школу с серебряной медалью, но из-за принудительных работ в Германии дорога в большинство вузов ему была закрыта. В институт киноинженеров его все-таки приняли, но

---

²⁴ На неформальной предзащите Троня, месяца через два после моего появления в институте, я стал задавать ему вопросы – из чистого интереса. И понял, что он не понимает того, что делает. Поняли это и другие, но никакого действия на его дальнейшее быстрое продвижения это понимание не оказало – его выдавливали вверх. «Этого коня не тронь, этот конь – товарищ Тронь» подумал я про себя. Он защитился, подвинул Петелько (руководителя военно-охотничьего общества) с поста начальника вычислительного центра. Более тесно мы пообщались с ним три года спустя – об этом в главе про аспирантуру.

в гидроакустические группы он не попал. При Хрущеве ситуация смягчилась и его взяли в «Рыбу».

Игорь предложил пойти к ответственному за компанию заявок – заместителю начальника отдела Павленко. Он знал к кому меня вел – Павленко посмотрел на меня, как на назойливого насекомого и процедил – пока все не закончится, не поедешь.²⁵

Выручил меня Игорь Бойко. Он сказал, что в такой работе меня легко заменить и назвал фамилии, удовлетворившие Павленко. Когда я через неделю приехал, ничего не изменилось, а потом собранные ведомости ушли в сводную заявку отдела снабжения.

На конференции, проводимой в Доме культуры п/я 49 (потом ЦНИИ «Гранит») было много интересного. Понимал я далеко не все, точнее очень мало. Мои сокурсники в ней еще не участвовали, хотя у многих уже имелись решенные задачи – ведь они уже работали полтора года в своих ящиках – в «Электроприборе», «Ленинце», «НИИ радионавигации и точного времени».

Запомнилось два доклада на пленарных заседаниях. Первым выступал, кажется, Французов. Он рассказывал о решении какой-то нечетко поставленной задаче в достаточно свободной манере. Но зато мастерски отвечал на все вопросы, в том числе каверзные. Другой выступающий четко сформулировал задачу, но изложить ее решение так же хорошо, как и первому оратору, ему не удалось. На вопросы он старался отвечать подробно, но звучало это выступление не так уверенно, как у Французова. Кроме того, сам Французов задал несколько вопросов, еще более осложнившее положение выступающего. Почти все были убеждены в правильности решения и важности задачи, но подача материала и ответы ставили его в невыгодное положение. С удивлением я воочию увидел, что можно блестяще доложить серую работу и казаться лучше того, который докладывал хорошую работу, но не владеет дискуссионными приемами. Урок запомнился, но, к сожалению, впрок не пошел – до решения задач и докладов было далеко.

Во время собравшегося по поводу моего приезда междусобойчика, ребята из группы рассказывали о своих фирмах и людях в них, удивляясь разнообразию ситуаций и типов, коротко рассказали про задачи, блюдя завесы закрытых тем. Мне это помочь не могло – у меня была другая среда – не только среда общения, но и среда распространения сигналов.

Зато в Химфарминституте пошли навстречу и восстановили Нину с начала следующего учебного года.

---

²⁵ Через пару лет я нашел в архиве отдела характеристику Глазьева, подписанную Павленко. В нем отмечались знания, инициативность и настойчивость молодого инженера, проработавшего несколько лет, отмечались его недостатки и делался вывод о нецелесообразности его перевода в старшие инженеры.

Они стояли у истоков п/я 153

*За исключением цифр, нет ничего более ненадежного, чем факты.
Сидней Смит*

Создатель американского атомного подводного флота адмирал Хайм РикOVER

В середине пятидесятых годов СССР столкнулся с серьезной и все нарастающей опасностью, вызванной деятельностью американского еврея Хайма РикOVERа. Он, можно сказать, вынудил создать п/я 153 – Киевский НИИ гидроприборов, куда евреев изначально не брали.

РикOVER умудрился, в условиях сильного противодействия, настоять на создании американского атомного подводного флота с ядерным оружием. Пентагон пытался «отблагодарить» РикOVERа – его собирались отправить в отставку, как офицера, выслужившего срок и не полу-

чившего повышения в звании (54 года и всего лишь капитан первого ранга). Первый раз это произошло на следующий день после спуска на воду в присутствии президента Трумэна первой в мире АПЛ – «Наутилуса».

Могила отца ядерного флота адмирала РикOVERA

Сотрудники РикOVERA обратились к Конгрессу и тот, при поддержке Трумэна, добился переквалификации РикOVERA в Совете адмиралов. РикOVERA получил звание контр-адмирала. Благодаря своим уникальным личностным качествам он, будучи высшим офицером, находился дольше всех на действительной службе в американской истории (63 года), дослужившись до высшего звания в мирное время – четырехзвездочного адмирала. Американский подводный флот называется на морском сленге в Штатах еврейским (Jewish Fleet). Сначала с презрительным оттенком, а теперь, может быть, и с чувством признательности.

Если местоположение тогда еще не столь многочисленных межконтинентальных баллистических ракет было с какой-то степенью точности известно, не говоря уже о ракетах в Европе, а основное в то время средство доставки – бомбардировщики – можно было обнаружить радиолокаторами, то атомные подводные лодки американцев могли незамеченными подходить близко к берегам Союза. Они несли при этом ракеты с ядерным оружием. Никакие шпионы и радары их отследить не могли. Лихорадочно принимались Постановления ЦК и Совмина – обеспечить, повесить, углубить...

Сопоставимой с РикOVERA фигуры в СССР не было. Научным руководителем атомного кораблестроения назначили соратника Курчатова А. П. Александрова (см. книгу вторую [Рог15]). За создание атомного флота отвечала еще дюжина руководителей.

Но то, что касалось обнаружения американских подводных лодок, было замкнуто на еврея – вице-адмирала А. Л. Генкина. Под его руководством и по его техническим заданиям были созданы первые гидроакустические станции и комплексы ПЛО. Он был последним из могикан – с начала пятидесятых евреев не принимали в высшие военно-морские училища.

Вице-адмирал Генкин

Исключения (как правило, по адмиральскому блату) допускались при приеме в радио-электронное ВМУРЭ им. Попова.

У Генкина был свой ангел-хранитель – вице-адмирал С. Н. Архипов, начальник 5 Главного управления флота. Когда в 1952 году за капитаном второго ранга Генкиным пришли к Архипову с требованием уволить «космополита», тот сказал – тогда увольняйте и меня.

До 1957 года Генкин работал у Архипова в 5-м Главном управлении – радиоэлектронного вооружения ВМФ. В 1957 году он возглавил в/ч 10729, а с 1959 года сменил Архипова на посту начальника 5-го Главного Управления.²⁶

---

²⁶ Хотя на флоте антисемитизма было поменьше, чем в авиации и ракетных войсках, но в адмиралы евреев больше не производили. Иллюстрацией служит следующий отрывок из книги Р. Гусева «Такова торпедная жизнь». Капитан 1-го ранга Хаскель Ушеревич Бродский был назначен начальником минно-торпедного управления (МТУ) Тихоокеанского флота в начале 1961 г. Он был прирожденным лидером. Среднего роста и телосложения, смуглый и черноволосый, он, в общем-то, не был похож на свое имя и отчество. Все звали его Михаилом Александровичем. С его согласия. Он был всегда серьезен, но шутки понимал и реагировал на них улыбкой человека, уставшего и озабоченного государственными делами. Голос располагал к доверию. Мимикой не пользовался и не жестикулировал... Бродский М.А. руководил МТУ Тихоокеанского флота почти 17 лет, более, чем кто-либо из его предшественников и преемников. За это время его ученики из лейтенантов догнали его в воинском звании. Приходили и уходили командующие Тихоокеанским флотом: Фокин В. А., Амелько Н. Н., Смирнов Н. И., Маслов В. П. На этом уровне смена руководителей через четыре-пять лет соблюдалась. Многократно ставился вопрос о присвоении ему воинского звания контр-адмирал, в соответствии со штатом по занимаемой должности. И все тонуло – то в пучине Военного Совета Тихоокеанского флота, то в столице, под различными благовидными предложениями, из которых не последним был и пункт о его национальной принадлежности. Но пришло время, когда «за» были все – и друзья и завистники. Без исключения. От флота контролем продвижения представления по столичным канцелярским столам занимался сам Командующий флотом Маслов. Он давно лично знал Бродского и как торпедиста, и как руководителя. Через своих влиятельных друзей и сослужив-

Военные, как правило, были инициаторами создания новых институтов, особенно, если видели, что старые с поставленными задачами не справляются и решительно возражают против новых задач и вызовов. Ленинградский НИИ-3 – будущий ЦНИИ Морфизприбор – с трудом справлялся с гидроакустическим вооружением нового атомного подводного флота, создаваемого в ответ на деятельность Риквера. Кроме того, они продолжали проектировать комплексы для больших (престижных) надводных кораблей. На противолодочную оборону с использованием самолетов, вертолетов и надводных (особенно малых) кораблей у них не хватало ни людей, ни площадей, ни средств, ни желания.

Одно из постановлений ЦК, подготовленное с участием команды Генкина, вышло 6 декабря 1955 – за номером 002028 «О развитии гидроакустического вооружения в СССР». В нем предусматривалось создание в Киеве п/я 753 – он же п/я 153, а позже Киевский НИИ гидроприборов. Киевлянам, особенно жителям Соломенки, он был известен под названием «Рыба». Если кто-то думал, что для киевлян осталось тайной, что на месте любимого соломенского базара строилось что-то секретное, то они ошибались. Звонки возмущенных чем-то местных жителей секретарше директора: «Это институт подводных лодок?» или «Это атомный центр?».

цев отслеживал каждый штрих на представлении флота, затем в общем списке. Поздравления следовали по мере «взятия» каждого чиновничьего стола всемогущей столицы. Даже не веривший Бродский временами начинал верить. Вот и ЦК КПСС позади. Все. Кажется, все. Кто в стране сильнее этого органа? Значит, кто-то был, если в окончательном списке Президиума Верховного Совета фамилии Бродского не оказалось. Мистика. Значит, кто-то имел право корректировать списки и после ЦК КПСС. (Наивный автор как бы не знал, что таким правом неоднократно пользовался зав. оборонным отделом ЦК, известный антисемит И.Д. Сербин, который даже из утвержденного Политбюро списка космонавтов, готовящихся к первым полетам, вычеркнул одного из лучших – Бориса Вольнова – *О.Р.*) Бродский выдержал удар и на этот раз. Многократно ставился вопрос о переводе его в Управление противолодочного вооружения ВМФ и Минно-торпедный институт. И тоже все тонуло в неизвестности. Нужны послушные. Не получив, таким образом, официального признания своей целенаправленной деятельности, как руководитель флотского управления, Бродский в течение трех лет подготовил и защитил в Минно-торпедном институте кандидатскую диссертацию по вопросам эксплуатации торпедного оружия и стал кандидатом технических наук. Путь в науку тоже был не прост. Минно-торпедному институту нужно было расписаться в собственных недоработках и, отчасти, в безразличии к вопросам эксплуатации на этапах разработки оружия. Привыкшему командовать другими, Бродскому не просто было стоять под очередями специфических вопросов типа: «Дайте, пожалуйста, оценку ранее выполненных работ в исследуемой области, и что нового предложено вами». Его ответ: «Мне представляется, что в исследуемой области еще конь не валялся, а о новом я вам докладывал 20 минут. Не знаю, слушали ли вы меня или нет», приводил в шок научную братию, вызывая деланное возмущение остепененных ученых, хотя в глубине души, каждый понимал, что Бродский прав. После увольнения в запас он еще много лет руководил научным подразделением в ЦНИИ «Гидроприбор». По совокупности сделанного он стоит в перечне самых заслуженных торпедистов Военно-Морского Флота. Все-таки иногда прорывы в назначении евреев адмиралами случались. Они тут же обрастали легендами. Приведу одну из них из книги "Легенды 4-й эскадры" (Форум «Брежневские адмиралы»). «Капитан 1 ранга Чернавин Лев Давидович, командир самого большого в мире соединения подводных лодок с указкой в руке стоял у огромной схемы, наглядно показывающей успехи эскадры, продемонстрированные на учениях. Лев Давидович был, как юный пионер готов выпалить Члену Политбюро свой восемьдесят два раза заранее прочитанный доклад. И вот, в конференц-зал вошёл министр со своей свитой. Маршал Советского Союза, стоя практически в дверях, не дал сказать Льву Давидовичу ни единого слова. Не обращая ни к кому конкретно, маршал спросил – «Почему докладывает капитан 1 ранга, а пять адмиралов сидят как школьники в начальной школе...» Вопрос первоначально повис в воздухе... Но не надолго. Командир эскадры представил своих подчинённых: четырёх комбригов (из них три адмирала), начальника политического отдела и начальника штаба эскадры, тоже контр-адмиралов. Министр пришёл в ещё большее замешательство, и спросил у командира 4 эскадры – «Сколько лет Вы, товарищ капитан 1 ранга находитесь в адмиральской должности?». И услышав в ответ – «Двенадцать, товарищ Маршал Советского Союза», пришёл в полное недоумение. Какой-то очень догадливый генерал-лейтенант из министерской свиты сказал почти утвердительно – «Товарищ министр, так он из Давидовичей...». Министр был членом Политбюро ЦК КПСС очень давно и привык все вопросы решать сразу. И он именно так решил данный вопрос, отдав приказание... «Начальник Генерального штаба, чтобы завтра к восьми ноль-ноль утра, командир эскадры был Давыдовичем и адмиралом. Я полковников не слушаю, чай не соловьи!» После этих слов сказанных практически с порога, Дмитрий (Федорович) Устинов повернулся и вышел из помещения... Вот так, почти случайно, командир 4 эскадры Лев Чернавин, будучи на вице-адмиральской должности много лет, получил очередное воинское звание контр-адмирал...» Это не легенда, а миф. Лев Давыдович Чернавин действительно стал контр-адмиралом после 11 лет службы на адмиральской должности, но за год до того, как Устинов стал министром обороны СССР. Конечно, Устинов и в должности секретаря ЦК мог повлиять на его назначение, но не так «красиво» – членом Политбюро он стал в одном флаконе с постом министра обороны.

Киевский НИИ Гидроприборов, ул. Сурикова 3

Первое назначение киевского института – быть дублером ленинградцев, чтобы заткнуть дыры и взять на себя проблемы, которые чрезмерно нагружали ленинградцев, отвлекая их от главного – проектирования гидроакустических комплексов (ГАК) для атомного флота. Ленинградцы еще долгое время считали киевский институт своим филиалом, которым он организационно и фактически никогда не был.

Датой основания института считается 1 октября 1956 года, когда был подписан приказ 00207 Министра судостроительной промышленности А. М. Редькина (пробывшего министром всего год) о создании в Киеве научно-исследовательского гидроакустического института 753. В направлениях работы института были определены задачи гидроакустического обнаружения ПЛ и определения ее координат для надводных кораблей, авиации, береговых постов и даже для ПЛ. Киев быстро развивался как промышленный и научный город.

Боковой фасад НИИ Гидроприборов с якорями на окнах

Ломать голову, где взять строителей и средства не хотелось, и под новый институт отдали новые здания судостроительного техникума, с таким трудом и тщанием наконец-то построенных киевским заводом «Ленинская кузница» для пополнения своих кадров.

Красивое главное здание с прекрасными двухсветными актовым и спортивным залами. На больших окнах парадной лестницы главного здания, выходящего боковым фасадом на улицу Богдановскую, чугунное литье с якорями и чем-то другим морским. Когда однажды какой-то отставной морской офицер фотографировал неожиданно возникшее посреди сухопутного Киева здание, его арестовала охрана ящика по звонку утомившихся на сверхурочной работе в воскресенье шутников – сотрудников 11 отдела.

До этого техникум ютился в каких-то привокзальных развалюхах, а после был переведен в Николаев, в который многие студенты и большинство преподавателей не поехали.

Ситуация, как с кальки, списана с рассказа Солже-ницына «Для пользы дела». Директором п/я назначили директора техникума судостроения П. А. Монету, о чем он очень пожалел уже через год, когда его использовали и «слили» в завхозы. Говорили, что неграмотности он был примечательной...

Даже героиня рассказа как будто списана с одной из сотрудниц института – комсорга Эдиты А.

Правда, сначала институт ютился в нескольких помещениях 4 этажа главного корпуса (там позже находилось патентное бюро) и в мастерской. А в новеньких, больших и светлых аудиториях учащиеся техникума (заметное большинство мальчиков) внимало известному остроумцу математику:

- Выделим треугольник ABC и заштри...
- *ум! – чувствуя себя крутыми парнями, дружно подхватывала аудитория.
- Нет, нет, – мягко уточнял математик, – мелом.

Для будущих лабораторий аудитории не были приспособлены, но они были удобнее, чем построенные потом в специальных зданиях.

Уже в 1957 году в институте было 247 человек – рассвет (в 1987–3400, расцвет с признаками увядания, а в 2006 – 150, из них больше 100 пенсионеров, закат).

Большим подарком для института был назначенный в январе 1957 главным инженером и заместителем директора по научной работе сотрудник «Морфизприбора» Игорь Николаевич Дымский, чуть ли не единственный гидроакустик в институте и единственный кандидат наук. Он стал наставником всех молодых специалистов, которых учили преподаватели, сами только начинавшие знакомиться с гидроакустикой. (Факультет акустики КПИ – бывший раньше факультетом Института Киноинженеров, год назад срочно начал осваивать новую для себя закрытую тематику).

Первыми зачисленными в ящик молодыми специалистами являлись двадцать выпускников техникума, среди которых был Виталий Тертышный – впоследствии главный конструктор вертолетных гидроакустических станций (ВГАС).

Выпускников из бывшего института киноинженеров, которые проучились на полгода больше, чтобы стать гидроакустиками, было в два раза больше, чем выпускников техникума. Из них сразу же рекрутировались руководители проектов – согласно установившейся при учебе иерархии, включая комсомольскую. Однако теперь нужно было нравиться не только профессору и комсомолу (а здесь главному инженеру Дымскому и парткому), но и вдохновлять (заставлять) товарищей делать работу, с которой никто знаком не был. Это удавалось не всем и поэтому многие сверху ушли вниз, кто глубже, кто под поверхность, кто время от времени выныривал.

Среди тех, кто с самого начала и до конца был наверху – отличники Юрий Бурау и Олег Алещенко. Зоя Головинская тоже (не сразу) была наверху – почти 30 лет начальник сначала сектора, а потом отдела научно-технической информации. Нужно сказать, что многие бывшие студенты института киноинженеров мечтали о карьере в кино. Алещенко, декламатор стихов Маяковского, провалился на экзаменах на актерский факультет (ему сказали: второго Ланового нам не нужно). Красавцами были и комсорг Кава, Борис Джигурда, его жена Ядвига. Фамилия Джигурда в кино прозвучала позже – благодаря их сыновьям. Даже Бурау, оказыва-ется, мечтал об актерской карьере.

Были среди них владелец ЗИМа Виталий Ткачук²⁷ и его жена – «комсомольская богиня» Эдит Артеменко.

Из Института киноинженеров была возможность проникнуть в кино сначала звукооператором (а раньше и оператором), а затем уже сниматься или даже стать режиссером – и примеры тому среди выпускников киевского института киноинженеров были. Но и звукооператор в то время был немаленьким человеком в кино – входил в творческую группу с соответствующей оплатой.

По-разному сложилась судьба первых выпускников-гидроакустиков. Никто из них в кино не попал.

Олег Головинский стал выныривающим, А. К. Кизлинский почти всю жизнь проработал замом начальника акустической лаборатории, потом отдела.

Их друг, однокурсник и отличник Миша Барах в институт не попал. С самого начала было определено, что институт будет юденфрай. Пришлось Мише пробиваться на заводе киноаппаратуры в начальники цеха, а потом дожидаться значительного усиления его друзей в институте и нехватки специалистов, чтобы, значительно потеряв в зарплате, приобщиться к секретной технике. Не сразу попал в институт и украинец с подозрительной фамилией Игорь Юденков,²⁸ четырнадцатилетним мальчишкой угнанный в Германию. Не попали в институт и сотрудники кафедры акустики, которые учились, уча своих выпускников. В области обработки акустических сигналов известным специалистом был их любимый профессор Марк Ильич Карновский.

---

²⁷ ЗИМ не ездил, денег на ремонт не хватало, но статус Ткачука, как владельца шикарной машины был высок.

²⁸ «Понимающие» люди считали, что фамилия его предков была Judenkorpf, что списать на Запорожскую сечь было трудно – там на идише не говорили. Э.Ф. предложил другую интерпретацию – жидок (жидовский сын).

Через месяц была зачислена вторая группа молодых специалистов, в т. ч. В. И. Крыцын, В. П. Петелько, Юра Иванов, Гриша Коломиец, П. Т. Ковбасенко – будущие начальники, а также Сережа Мухин и другие выпускники радиофака КПИ.

Первые опытно-конструкторские работы (ОКР) были те, которые не хотел делать Морфизприбор – активные и пассивные автономные станции – гидроакустические буи с радиолниями – «Эмба» и «Кура».

Конечно, это были кальки с американских систем.

Американцы к тому времени от них уже отказывались. Сбрасывались они с кораблей, внешне представляли собой металлические ящики со сторонами больше полуметра, весили больше сотни килограммов и сообщали данные об обнаружении сигналов по радио в основном на корабли.

Главным конструктором «Куры» был назначен Юрий Бурау.

Естественно, были задействованы все наработки Морфизприбора, но все равно молодым специ-алистам нужно было начинать с нуля. Они справились с новыми для них задачами и уже в 1962 году «Кура» была принята на вооружение – рекорд по срокам.

Позже пришли НИРы и ОКРы по более современной тематике – радиогидроакустическим буям для обнаружения ПЛ, уже широко используемыми американцами в авиационной системе «Орион». Эта тематика стала специализацией института.

В 1958 году в институт пришла «Вега» – еще один выкидыш Морфизприбора, первая буксируемая ГАС, определившая специализацию института в проектировании буксируемых станций для надводных кораблей.

Со многими своими разработками Морфизприбор расставался с тяжелым сердцем, по приказу свыше – СССР должен был стать великой морской державой и, прежде всего, надлежало обеспечить подводный атомный флот гидроакустическими комплексами. С большим трудом удалось сохранить разработки гидроакустических комплексов для больших (и престижных) надводных кораблей, но уже буксируемые части комплексов передавались в Киев.

Еще одной потерей для Морфизприбора явилась передача разработки новой ГАС для вертолета.

Ее несостоявшийся главный конструктор Маркус чуть не плакал, передавая Олегу Алещенко все, что он с командой успел наработать. Н. И. Камов (для его вертолета Ка-25 делалась «Ока»), разговаривать с Алещенко отказался. Он привык иметь дело с серьезными людьми – такими, как Маркус, а не с пацанами, только что окончившими ВУЗ, да еще киевский.

Доверие нужно было заслужить. Сначала в НИИ выполнялась НИР «Вязьма», а с 1959 года началась ОКР «Ока». Молодежь не знала, что эта задача считалась практически нерешаемой, и сделала невозможное. Им поверили, а Камов стал их защитником.

Разработка вертолетных ГАС стала второй доминантой в специализации института, вплоть до болезненной передачи этой тематике во Львов уже во второй половине восьмидесятых.

В конце 1959 года начался ОКР по разработке системы радиогидроакустических буёв²⁹ «Беркут» с дальностью обнаружения 2 км и передаче данных по радио на 40 км. Кто только не возглавлял многострадальный «Беркут», и когда всех снимали за срыв сроков и параметров (не получалось, не знали как), его возглавил Бурау. Вместо вечно оправдывающихся руководителей (а там, кроме П. Г. Карпенко, побывали и такие малопредставимые на этой должности

---

²⁹ В первом отделе работала симпатичная брюнетка с голубыми глазами – машинистка «баба Катя». Была она бальзаковского возраста, т. е. было ей тогда лет 36. Она позвонила исполнителю секретного отчета и спросила: «Это ты из стеснительности пишешь буёвские системы? Я же понимаю, что они на самом деле *уёвские. Так ты не стесняйся, я ведь в партизанском отряде успела побывать, там и не такое слыхала, пиши прямо, как есть. Тебя пока не было, я все так прямо и напечатала». Времени, как всегда, не оставалось и начальство первый вариант читало на кальке в редакции бабы Кати. С другой бы распрощались, но она была партизанкой...

люди как Ткачук и Недельский), Бурау стал доказывать, что все в порядке. К тому времени большинство неполадок действительно было устранено, но они еще оставались. Заслуга Бурау была в том, что он сумел убедить заказчиков и головных исполнителей, не понимающих в гидроакустике, что все уже в порядке. Ему поверили, а в это время буи на ходу дорабатывались. Бортовая аппаратура самолета (к Ил-18 приделали антенный хвост, после чего он стал называться Ил-38) тоже не поспевала вовремя, поэтому тактика была оправдана, а потом и вознаграждена.

Уже в 1968-м году мне пришлось (случайно) стать свидетелем при рапорте пилота Ил-38 авиационному генерал-лейтенанту в присутствии Бурау.

– Товарищ председатель комиссии! Все бомбы легли в заданный квадрат и взорвались у поверхности. (Это про приводнявшиеся буи, которые должны были красиво, избавившись от парашюта, войти в воду).

Бурау тут же что-то уверенно стал объяснять генералу и тот согласно кивал головой. В конце года советский аналог американского «Ориона» приняли на вооружение. В 1969 году большая группа сотрудников получила правительственные награды – в Кремле, в Георгиевском зале,³⁰ а Ю. В. Бурау – орден Ленина. По рангу ему полагалось «Трудовое Знамя», которое у него уже имелось, или «Октябрьская Революция» (она предназначалась для партийцев со стажем). Ильюшин (главный конструктор Ил-38) уже имел восемь орденов Ленина, а «Октябрины» у него не было. И он махнул не глядя. У него для этого был свой человек,³¹ вхожий в наградной отдел Президиума Верховного Совета, с соответствующими связями в ЦК и ВПК. Когда этого человека обидели вознаграждениями (м.б. недостаточно премировали), он ушел (кажется, к Милю). Орденов в КБ Ильюшина стало заметно меньше, а в КБ Миля заметно больше.

В 1960 году в НИИ Гидроприборов был образован вычислительный центр во главе с моим будущим недоброжелателем Виталием Петелько. Под вычислительные машины был перестроен двухсветный спортзал с баскетбольной и волейбольными площадками – в нем сделали два этажа и уставили его несколькими ЭВМ Минск-2 (22).

Мои старшие коллеги еще успели в нем поиграть. А на моих глазах разрушили открытую волейбольную площадку – вместо нее установили массивную Доску Почета. Большинство сотрудников составляло молодежь, молодые были и начальники, которые с удовольствием на перерыве играли – Эдик Филиппов, Олег Алещенко, Быстрик и другие (сначала играл и Бурау). Команда института была чемпионом профсоюза, района и т. д. Но начальство считало, что это слишком возбуждает сотрудников и мешает им после игры сосредоточиться (так наши учителя запрещали игры младшим школьникам на переменах).

К 1961 году стало ясно, что в институте бардак. Сменивший Монету директор Иосипенко работу организовать не сумел, темы в срок не выполнялись, особенно плохо шел «Беркут», да и по «Веге» было не все в порядке. Молодежь, почувствовав себя взрослыми, подвергала испытаниям советскую мораль. На 25-летию института директор дубненского НИИ «Атолл» Виль Петровский сказал, что тогда в воздухе ящика витала атмосфера всеобщей влюбленно-

---

³⁰ Обычно награждения проводились в райкоме или в нашем Актовом зале. Знал бы, попросил, чтобы посмотрели, есть ли фамилия Семячкина, моего двоюродного деда (см. книгу первую [Рог]) на мраморных досках в Георгиевском зале.

³¹ По сведениям В.Ткачука, этим человеком был Герой Советского Союза Ивановч. Молодым лейтенантом он заменил опытного командира Пе-8 при штурме Кенигсберга. Это был чуть ли не первый его самостоятельный вылет в качестве командира. Штурман тоже был не очень опытный. При очень сильном зенитном огне Ивановч понял, что ему не долететь до цели и сбросил бомбу перед разворотом домой. Бомба была двухтонной и пробила Кенигсбергский замок, где был штаб обороны города-крепости, до подвалов. Что-то там сдетонировало (боеприпасы?) и был мощнейший взрыв, уничтоживший и замок и штаб (и, может быть, Янтарную комнату). Его это была бомба или нет, до конца неизвестно, но вычислили, что это его. После чего присвоили звание Героя и отозвали для передачи боевого опыта летчикам, в том числе опытным. А те над ним смеялись. Стал пить. После войны кто-то его пригнул в Президиуме Верховного Совета для ношения папок с важными бумагами. А потом его переманил Ильюшин.

сти. На работе задерживались без «необходимости», благо в бывших учительских были мягкие диваны. В командировках (на юге, на море) влюблялись и потом разводились с остававшимися дома женами.

Грянула комиссия. Причин было много, но поводом послужили, как всегда, доносы. Через тридцать лет я узнал, что Украина является вице-чемпионом Европы по доносам (первая Германия). А в Советском Союзе Украина занимала безусловное первое место. Председателем комиссии назначили С. Ф. Андреева, членами – многих ленинградцев из НИИ-3 (Морфизприбора). Комиссия признала работу п/я 153 неудовлетворительной и в качестве меры исправления ситуации предложила поменять руководство и основных начальников. Эту рекомендацию выполнили – начальников заменили некоторыми членами комиссии с предоставлением киевских квартир. Зам. директора по науке и главным инженером стал сам Андреев, начальником комплексного отдела – Д. И. Ибраимов. В акустический отдел вместо Юрьева из КПИ пришел Л. Н. Селезнев, еще один ленинградец с нередкой там «вредной привычкой».

К сожалению, козлом отпущения сделали Игоря Николаевича Дымского, заложившего основы проектирования гидроакустических станций и комплексов в институте. Его долго вспоминали теплыми словами наши еще молодые начальники.

Андреев, получив квартиру в Киеве, быстренько сполз в начальники техотдела, который в нашем институте был тихой заводью.

Джевдет Иззетович Ибраимович был яркой личностью и знающим специалистом с непростым характером. «Вредная привычка», к сожалению, тоже была одной из особенностей его характера, хотя он был потомственным петербургским татариним. В отличие от московских татар, большинство которых когда-то были дворниками, многие из петербургских были людьми образованными. Джевдет был умным, интеллигентным и остроумным человеком. Когда все аргументы по поводу требований Технического задания в споре с исполнителями из спецподразделений исчерпывались (им всегда не хватало времени, кадров и квалификации), он предъявлял «последний довод королей». Молча вынимал из ящика стола миллиметров 40 в диаметре и длиной 250 мм блестящий, из нержавеющей стали, болт и, не расшифровывая всем понятного эвфемизма, говорил: «А вот вам болт...» и выкладывал его на стол.

Ибраимов сначала возглавлял комплексный отдел, потом выделившийся из него первый комплексный отдел авиационных противолодочных радиогидроакустических буёв и еще через год, в 1964, видимо после очередного провала «Беркута», лабораторию 11 (затем 111). Начальником отдела стал Ю. В. Бурау. Ему и удалось вывести «Беркут» «в люди». До этого Бурау возглавлял привычный для него отдел стационарных и автономных гидроакустических систем – его автономная станция «Кура» была одной из первых успешных разработок института. Вместо него начальником стал Вася Тарасевич.

Третий комплексный отдел (впоследствии отдел 13) возглавил О. М. Алещенко, подвинув (по особой договоренности) Ф. Ф. Павленко, ставшего на какой-то период его заместителем.

В 1964 году, в год моего прихода, институт достиг относительной зрелости. Перестройка и перетряска закончились, в институте (вместе с опытным заводом) работало более 2,5 тысяч человек. Текучка была большая – увольнялось больше половины (иногда две трети) от числа вновь принятых. Правда, касалось это больше работяг. С квартирами в институте было туго. С зарплатами тоже не очень, но лучше, чем в других министерствах (пока еще комитетах), не принадлежавших к «девятке». Институт пробивался от второй категории к первой. Зависело это, не в последнюю очередь, от численности работающих. Механизм экстенсивного развития в СССР был запущен давно. Под каждую новую проблему выбивалась новые рабочие места. При этом старые задачи и численность никто не снимал.

Вообще-то в институте было всего три комплексных отдела. Чтобы не путать 1-й комплексный с «настоящим» первым, в котором хранилась вся секретная документация (а перед праздниками сдавались все пишущие машинки), комплексным отделам, а затем и всем осталь-

ным, прибавили десятичный разряд – они стали 11-м, 12-м, 13-м. Одно время существовал и самый экзотический 10-й (арктический) отдел, о котором в «50 годах» «скромно» умалчивается.

"Настоящий" первый вместе с «режимом» и охраной считал себя самым важным в институте. Формировался он из жен и близких действующих и отставных офицеров КГБ, работали там и несколько проштрафившихся (как правило, за аморалку) офицеров, переведенных в запас или резерв.

К вопросу, «которого не было»

*Еврей готов забыть, что он еврей,
Но это помнят все вокруг.*

Игорь Губерман

Прошло пару месяцев в ящике, и я попал в ситуацию эпитафия. Произошло это в большой комнате лаборатории 32 с «фреской» Леонардо да Винчи, нарисованной Лёпой Половинкой на торцевой стене. От двери до окна перед столами было свободное пространство, на котором иногда спонтанно зацеплялись несколько человек для трепа. Я сидел в третьем ряду столов, стоящих, насколько помнится, в два-три ряда и грыз гранит науки, переплетенный в отчеты с грифом «секретно». Треп слышал как фон, его не фиксируя, но, видимо, отсекая фильтром с задержкой. Разговор вел Валентин Твердохлеб,³² чем-то манерой поведения напоминавший Тарапульку. Он был несколько странным малым, скорее раздолбаем, нередко попадавшим в какие-то переплеты, иногда двусмысленные, но не терявшим при этом уверенности в себе и своих возможностях. Вдруг наступила тишина. И у меня медленно проявился конец фразы: ...если бы они решили задачу уничтожения до конца, не пришлось бы сейчас возиться с евреями. Выплыло и начало фразы: да, не всегда немцы работают хорошо: вот если бы они...

Если бы я стоял близко, то одним мордобоем дело бы не ограничилось – покалечил бы. А так я даже не успел вскочить с места – Твердохлеба вывели в коридор и он на пару дней исчез. Оставшиеся двое ребят заговорили о каких-то срочных делах, и ушли тоже. Я сидел, тупо глядя в отчет, и не знал, что делать. Все сделали вид, что ничего не случилось и неизвестно, что они скажут, если я подниму шум.

Против меня лично Валентин вроде бы ничего не имел, даже не знаю, знал ли он, что я «причастен». Может быть, мне действительно послышалось?

Посоветоваться было не с кем. В. Л. Кошембар отсутствовал. И я сдался – тоже сделал вид, что ничего не было. Дело еще в том, что евреев, известных мне, ни в отделе, ни в институте тогда не было. Чистоту рядов блюли. И по анкетам все было в порядке – институт оставался юденфрай. Да, имелись некоторые с подозрительными фамилиями и отчествами, но самый известный пример – конструктор Садовый Иван Абрамович являлся чистокровным украинцем. Не вылезал в ту пору из командировок Вадим Юхновский из лаборатории 33, тоже Абрамович, но судя по дальнейшему карьерному взлету с документами у него все было в порядке. Хотя такие, как я, являлись нежелательным элементом, но в статистику, по-видимому, не входили, хотя отделы кадров и руководство за это все-таки как-то отвечали. (Известен донос на И. В. Кудрявцева, директора НИИ «Квант», «окружившего себя евреями», имевший последствия для работников «Кванта» – в начальниках отделов евреев не осталось ни одного).

«Инвалиды пятой группы», лучше сказать «пятой графы» делились на ступени, соответствующие принятым в СССР группам инвалидности. Первая ступень (евреи по отцу и матери,

---

³² То, что Валентин с придурью, было известно. Например, во время какого-то совещания у Алешенко (у него в кабинете стоял тогда единственный в отделе городской телефон, по которому по личным делам звонили только в редких случаях), однажды позвали Валентина. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу и, прикрывая рукой микрофон, спрашивал: «Валя? – нет. Галя? – нет. Может ты, Олеся? – нет. Ну, скажи, кто». Наконец, Алешенко цыкнул на Валентина и тот испарился. Но видимо, Олег знал, кого терпел. Через какое-то время после очередного провала в работе Твердохлеб уволился по собственному желанию. Через небольшое время оказалось, что он – главный инженер фабрики (цеха) музыкальных инструментов на улице Жиланской (родоначальницы «Маяка» и НИИ Мануильского). Потом он как-то проявился в защитниках всего истинно украинского.

достаточно было и по паспорту³³) соответствовала первой группе настоящей инвалидности. Инвалидам первой группы в СССР работать не разрешалось, и они получали довольно приличную пенсию (1100 дореформенных рублей в 1952 году). Соответствующей первой ступени пятой графы в ящиках работать не разрешалось, они должны были подолгу искать работу в других, не престижных отраслях народного хозяйства, и никакая зарплата им не гарантировалась.

Вторая группа инвалидности по здоровью имела ограничения по работе (если не работали, то пенсия составляла 900 рублей). Она соотносилась со второй ступенью инвалидов пятой графы – евреями по отцу, русскими или украинцами по паспорту, но с выраженными фамилиями или отчествами (ограниченная возможность работы в ящиках). Эта возможность зависела от позиции директора и его отношений с «режимом», блюдущим державные интересы, как он их понимал. Третьей группе инвалидности соответствовала третья ступень – евреи по матери, особенно без выраженных внешних признаков – у них ограничений было меньше. Была еще и четвертая ступень, не имеющая соответствия с несуществующей четвертой группой инвалидности – «евреи по жене».³⁴ У них ограничения сказывались при назначении на высокие должности или награждении высокими орденами и званиями.

Совсем уж экзотической была пятая ступень – когда один из родителей жены или мужа претендента на работу был евреем, хотя в ее (его) паспорте следов этого не было. Недаром в киевском «Арсенале» с меня потребовали предъявить шесть паспортов.

Состояние юденфрай в нашем ящике объяснялось тем, что он был создан недавно и на него ограничения на инвалидов пятой графы действовали в полной мере. В более старых организациях, таких, как ленинградский «Морфизприбор» и киевский «Квант», их присутствие было заметно. Объяснялось это тем, что те, кто уже работал, согласно тому же решению Политбюро, по которому инвалиды пятой графы («лица, национальность которых совпадала с основной национальностью буржуазных государств»³⁵) на работу не принимались, но увольнению они также не подлежали. Их рекомендовалось убирать с руководящих постов. Сначала это касалось заместителей министров, потом директоров и главных инженеров, затем, с каждой новой волной государственного антисемитизма, вызванной победами Израиля в арабо-израильских войнах, дошло до главных конструкторов и начальников отделов, а кое-где (например, Киевский радиозавод) и до начальников секторов (лабораторий).

Через пару лет после снятия Хрущева (не знаю, вследствие ли этого) положение в нашей фирме начало меняться. Не знаю, связано ли это было с острой потребностью в кадрах в связи с новыми ОКР, принятыми по Постановлениям ЦК КПСС и Совмина. В их обеспечение, как говорили, неявно разрешалось принимать определенное число евреев. С началом «Роси» в 13-м отделе появился Миша Барак, потом – Володя Прицкер и Илья Перельман,³⁶ не говоря уже о

³³ Случались курьезы, когда человек, не имеющий еврейских родителей, записывался в евреи – и вкушал всю жизнь плоды сталинского интернационализма и дружбы народов.

³⁴ Были и случаи инвалидов четвертой ступени по мужу. Гнатюк, знаменитый певец и директор киевской оперы, открыто сказал одной заслуженной певице, что она до тех пор не получит никаких званий, пока не разведется со своим жидовским мужем (доктором наук, по фамилии и паспорту украинцем). Это уже соответствует пятой ступени. Инвалидом пятой ступени был О.М. Алешенко. У его жены Веты, в девичестве Кузиной, дочери капитана первого ранга ВМФ, мама была еврейкой. Инвалидом четвертой ступени – по жене – был В.И. Глазьев, не говоря уже о В.И. Тертышном, который был еще до женитьбы инвалидом третьей ступени – по маме. Наследники Сталина – советские идеологи дружбы народов перещеголяли творцов гитлеровских Нюрнбергских законов. Хотя существуют разные мнения, но в рейхе, по данным [Бер], формальных ограничений для людей, соответствующих пятой «еврейской» ступени, не предусматривалось. (Мишлинг даже первой ступени, не исповедующий иудаизм и состоящий в браке с арийкой или арийцем, пользовался преимуществами арийцев, следовательно, его (ее) супруг(а) от ограничений освобождалась).

³⁵ Израиль в то время по содержанию был скорее социалистическим государством, во всяком случае, намного более социальным, чем СССР.

³⁶ Перельман работал в Таганроге в КБ завода «Прибой», начальником одной из самых важных лабораторий – внедрения изделий в серию. Никакого желания переезжать в Киев у него не было. Но у его жены родители жили в Киеве в Музейном переулке, возле музея Украинского искусства. Когда кто-то из родителей жены умер, она решила переехать в Киев – не хотела

«Бронзе» и не числящимися евреями Саше Бундалевским (вторая ступень) и Саше Суворове (третья).

О том, что Виталий Иванович Тертышный тоже причастен, я тогда и не догадывался (как и он до сих пор про Эдика Филиппова). Да если бы «инвалиды» и были, то говорить об «этом» среди них было как-то не принято. Да и повода не было. До следующего раза. Зато непричастные этим вопросом интересовались. Однажды, когда старшего военпреда ВВС Шепелева не оказалось на месте, я остался в коридоре, отойдя от двери его кабинета, чтобы не торчать под ней. Из-за соседней с его кабинетом полуоткрытой двери, услышал заинтересованное чтение сотрудниками Шепелева³⁷ нашей ящиковой телефонной книжки: «так, кроме Бараха вот еще Перельман, Бундалевскийч, Рогозовский, да и Тертышный, хотя и Виталийч Иванович, но тоже аид. Так, в 12 отделе меньше – Майхровский, наверное, Цеккерт, там еще есть Пинсон, но в книжке его нет».

Через пятьдесят лет я посетил «родные пенаты», сидел в садике перед «ящиком» с бывшими коллегами. Встречался и с «неящиковыми» приятелями. Удивило меня то, что даже «чистые», (неящиковые) евреи настоящими евреями себя не считали. «Ну, какие мы евреи – идиша, не говоря уже об иврите, не знали, воспитаны в русской культуре, живем на Украине». Некоторые «ящиковые» просили не упоминать об их еврействе третьей степени, хотя они уже давно на пенсии. Может быть, что-то в анкетах писали не так, и до сих пор боятся?

Про мои проблемы самоидентификации я писал в книге первой и понял еще в школе, что от русско-еврейской дуальности мне никуда не деться. Однако ограничения на мою жизнь в Союзе устанавливались наследниками Сталина и многими из окружающих в соответствии с эпиграфом к этой главе.

В 1932 году ввели паспорта с той самой графой – тогда она была третьей, но известность она получила как пятая. Замечу, что фотография тогда еще была в паспорте необязательна, не было и графы для личных примет.

Паспорта вводились для прикрепления рабочих и служащих к местам жительства и работы (прописка обязательна, с тех пор и стало актуальным «где родился, там и пригодился»). Крестьянам паспорта не выдавались вообще, и они оставались «беспаспортными», т. е. бесправными до 1974 года.

На «простых» евреях это тогда не сказалось. Многих из них больше беспокоила графа четвертая – «социальное положение», до этого в анкетах и удостоверениях личности – «социальное происхождение». Таких евреев при НЭПе было не меньше 30 %, а в некоторых местностях 60–70 %. После НЭПа торговцы оказались «людьми без определенных занятий», а ремесленники – «кустарями» (иногда добавлялось – одиночками).

В удостоверениях личности (до паспортов) писали: частник. Герой автобиографической книги Израйля Меттера [Мет] четыре года поступал в ВУЗы, но его не принимали из-за происхождения – он был сыном кустика, кормившего многочисленную семью, жившую крайне бедно. В этой книге описано отношение к дореволюционной ассимиляции нищего еврейского двора на Рыбной улице в Харькове. Речь шла об отце приятеля Саши, крещеного еврея, став-

---

терять квартиру. А Илья Семенович – жену. В Киеве на работу не брали – «по благу» кто-то «устраивал» его в наш экспериментальный цех мастером. Начальник 10 ГУ Свиридов был в Таганроге и Перельмана надоумили подойти к нему с бумагой о переводе. Свиридов Перельмана знал и на заявлении написал «Устроить согласно квалификации». Киселев игнорировать указание не мог, но сказал свою обычную фразу: «Здесь сидит портной Мойша – е*ут – напротив», показывая на директорский кабинет. Тут о появлении Перельмана узнала Надя Хоменко, потом Лепа Половинко и Коля Якубов. Он был их учителем в деле доводки аппаратуры до серийного производства. Лепа и Коля убедили Алешенко повесить на себя и эту ношу, обещая большой выигрыш. По словам И.С., без его подписи, которую он ставил карандашом в пустой графе на кальке, конструкторы документацию от 13 отдела не брали. В Таганроге проблем с освоением документации стало гораздо меньше.

³⁷ Шепелев по виду был человеком интеллигентным. Его однофамилец или родственник А.Л. Шепелев – известный авиационный генерал, главный инженер 17 воздушной армии во время войны. Командующим армии был Судец, ставший позже маршалом и командующим ПВО страны.

шего видным адвокатом. «К таким людям в моем дворе на Рыбной относились путано: их уважали, но с оттенком презрения. Осуществленная мечта дореволюционного еврея – высшее образование, купленное ценой измены, это и порождало двойственное отношение к Сашиному отцу. В те далекие времена предательству еще умели удивляться, да и платили за него дороже, чем нынче».

После февральской революции креститься было не нужно. После октябрьской евреи ухитрились обходить или менять графу четыре (она, как и пятая, меняла свою нумерацию). Например, приобретением трудового стажа рабочего и последующим рабфаком (так поступила сестра отца Боня, см. книгу первую, стр. 61).

Ассимиляция евреев в советскую жизнь шла полным ходом. Советская социалистическая пропаганда добилась того, что молодежь («великое поколение» – 1901–1925 годов рождения) приняло идеи интернационализма всерьез.³⁸

Папа в 1932 году поступил в Ленинградский автодорожный институт, был комсомольцем и общественным активистом.

Несмотря на то, что папа еще успел поучиться в хедере, никаких заповедей из Закона Моисеева (по крайней мере, со ссылкой на источник) он не артикулировал. Папа был укоренен в русскую культуру. Главным поэтом в семье был Пушкин. Дочери были названы Татьяной и Ольгой. Он знал много стихов и поэм наизусть, один из любимых поэтов был Есенин, дома он читал его стихи, которых прочесть тогда школьнику было негде.

При этом он не забывал и про еврейские корни. Правда, еврейская тема появлялась в революционной интерпретации Уткина, чью «Поэму о рыжем Мотеле» в исполнении папы помню не только я, но мои друзья детства. Вспоминал папа и стихи Саша Черного.

Введенная паспортная система изменила многие еврейские имена. Мой дед Хайм Ноевич стал Ефимом Наумовичем. В свидетельстве о моем рождении мой отец – Абрам Хаймович. Свидетельств о перемене имен тогда никто не давал, так что я, сын Рогозовского Абрама Хаймовича, отношения к Рогозовскому Абраму Ефимовичу, по мнению теперешних киевских властей, не имею.

---

³⁸ Хаскала (еврейское Просвещение) привела еврейскую молодежь в гимназии и университеты, несмотря на ограничения царского режима. Евреи стали ассимилироваться – т. е. вести светский образ жизни, оторванный от общин, некоторые крестились, чтобы получить должность. Абитуриенты, не добравшие необходимых для евреев баллов в университет, тоже крестились. В Киеве они переходили Бибиковский бульвар, крестились во Владимирском соборе и, возвращаясь в университет святого Владимира, становились его студентами. Все больше евреев женились или выходили замуж за русских, становились христианами или атеистами. Были и образованные евреи, обладающие национальным сознанием, в основном гуманитарии, богема. Эти процессы происходили и в Европе, особенно интенсивно в Германии. Один из друзей еврея Кафки – классика немецкоязычной литературы – сформулировал признаки принадлежности к еврейству: язык, происхождение, религия. Именно в таком порядке [Вайс]. Образованные евреи редко отказывались от своего происхождения, но связь с религией становилась все слабее, не говоря уже о стремительно забываемом идише. Тем не менее, в Германии бытовала формула: немецкий гражданин иудейского вероисповедования. Показателем успешной ассимиляции немецких евреев было большое их число, отличившихся в Первой мировой войне и награжденных орденом Железного Креста, не говоря уже о нобелевском лауреате Фрице Габере, изобретателе химического оружия ([Рог 15], стр. 429). В России февральская революция освободила евреев от всех ограничений. Казалось бы, теперь можно учиться, работать и получать достойную плату за хорошо выполненную работу. Но евреи, входившие в революционные партии (левых эсеров, меньшевиков и большевиков) хотели, следуя их руководству, всего и сразу. Они и стали, наряду с другими «угнетаемыми меньшинствами», опорой режима. При этом сами революционеры связь с еврейством давно утратили и как евреев себя не рассматривали. После Октябрьской революции Ленин, считавший евреев «фиктивной» нацией, вынужден был пересмотреть свои взгляды. Теперь он занес евреев в разряд национальных (угнетаемых – *О.Р.*) меньшинств. Сталин – главный специалист партии по вопросам национальностей – разделял дореволюционные взгляды Ленина и после революции. Он считал, что признаками нации являются общий язык (грузинские евреи на идише не говорили), общие территория, экономическая жизнь и психологический склад. В 1934 году он выделил евреям малярийную область на Дальнем Востоке, на границе с Китаем и создал пресловутую еврейскую АО. Теперь еврейский народ на «законных основаниях» мог влиться в семью советских народов. До этого евреям разрешалось иметь свои газеты, журналы, театры, школы, техникумы и институты. Двадцатые годы вспоминаются как время расцвета еврейской (идишской) культуры и образования. Но уже в тридцатые начал расти антисемитизм. Большое влияние на его рост оказывали нацизм и Гитлер. Антисемитизм широко распространился в Европе, США и в партийной верхушке СССР.

Папа не менял своего имени, так как, во-первых, он был назван в честь рано умершего деда по матери. Во-вторых, антисемитизм в советском обществе и государстве, в отличие от партийной верхушки, явно еще не проявлялся, а имя Абрам (в отличие от имени Хайм из анекдотов) было привычно русскому уху, имелось в святках, встречалось у православных.

В 1930-х положение евреев начало изменяться. Двоемыслие, насаждавшееся Сталиным, позволяло ему инструктировать партийную верхушку в избавлении от евреев в высших и средних эшелонах власти и одновременно проповедовать идеи интернационализма.³⁹

В 1934 году вместо развития еврейских поселений в Крыму, финансируемых Джойнтом (их там было в три раза больше, чем украинских), он создал в малярийном округе Дальнего Востока Еврейскую Автономную Область, чтобы евреи, по его определению (единство языка, территории, экономики) могли бы считаться народом.

В 1937-38 годах евреи из НКВД, особенно из руководства, были вычищены – ими заполнили рвы на даче Ягоды в Коммунарке (книга 2, приложение Г: НКВД и физика).

В 1939 году настала очередь НКИДа (МИДа). Сталин назначил туда вместо еврея Литвинова Молотова. В известной книге-интервью с Молотовым Чуев приводит слова Сталина, сказанные Молотову при назначении: «Убери из наркомата евреев». Молотов продолжал: «Слава богу, что сказал. Дело в том, что евреи составляли там абсолютное большинство в руководстве и среди послов. Это, конечно, неправильно. Латыши и евреи...».

Изгнание евреев из НКИДа послужило сигналом для нацистской Германии. Она предложила СССР дружить против Англии и Франции. Риббентроп уверял Гитлера, что Сталинч готов ввести Нюрнбергские законы и вводит их уже де-факто.

Сталин восхищался внутренней (расправа со штурмовиками и тогда еще жесткие ограничения, а не уничтожение евреев) и внешней политикой Гитлера. Но думал, что он хитрее и переиграет его. На заседании Политбюро ЦК 19 августа 1939 г. Сталин произнес речь, в которой настаивал на заключении мира с Германией и поддержке ее в будущей войне против Франции и Англии⁴⁰ до истощения противников к пользе СССР [Ст. 39].

В 1940 году Берлинское и Венское бюро по переселению евреев обратилось к Председателю советского комитета по переселению с предложением забрать (без выкупа) немецких и австрийских евреев в Западную Украину, Белоруссию и Биробиджан.

---

³⁹ Сталин уже в 1927 году развернул антисемитскую кампанию в верхах партии. «В месяцы подготовки исключения оппозиции из партии, арестов и высылки (вторая половина 1927 года), антисемитская агитация приняла совершенно разнузданный характер. Лозунг «бей оппозицию» окрашивался нередко старым лозунгом: «бей жидов, спасай Россию». Дело зашло так далеко, что Сталин оказался вынужден выступить с печатным заявлением, которое гласило: «Мы боремся против Троцкого, Зиновьева и Каменева не потому, что они евреи, а потому, что они оппозиционеры и пр.». Для всякого политически мыслящего человека было совершенно ясно, что это сознательно двусмысленное заявление, направленное против «эксцессов» антисемитизма, в то же время преднамеренно питало его. «Не забывайте, что вожди оппозиции – евреи», таков был смысл заявления Сталина, напечатанного во всех советских газетах» [Тр37]. В 1927 году евреи из верхов партии были удалены. Кирову и Угланову, возглавившим партийные организации в Ленинграде и Москве были даны указания вести антисемитскую партийную пропаганду. Но в печати и в интервью, особенно западным писателям, Сталин проявлял себя интернационалистом. И в Совнарком еще в 30-х годах назначались евреи. В 1936 евреи из ленинского Политбюро были расстреляны, до Троцкого добрались только в 1940 году.

⁴⁰ Сталинч говорил: «Диктатура большевистской партии становится возможной только в результате большой войны. Мы сделаем свой выбор, и он ясен. Мы должны принять немецкое предложение и вежливо отослать обратно англо-французскую миссию. Первым преимуществом, которое мы извлечем, будет уничтожение Польши до самых подступов к Варшаве, включая украинскую Галицию. Германия предоставляет нам полную свободу действий в прибалтийских странах и не возражает по поводу возвращения Бессарабии СССР. Она готова уступить нам в качестве зоны влияния Румынию, Болгарию и Венгрию. Товарищи! В интересах СССР – Родины трудящихся, чтобы война разразилась между рейхом и капиталистическим англо-французским блоком. Нужно сделать все, чтобы эта война длилась как можно дольше в целях изнурения двух сторон. Именно по этой причине мы должны согласиться на заключение пакта, предложенного Германией, и работать над тем, чтобы эта война, объявленная однажды, продлилась максимальное количество времени. Надо будет усилить пропагандистскую работу в воюющих странах для того, чтобы быть готовыми к тому времени, когда война закончится... http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/stal_rech39.php

Советский Союз (Сталин) отказался. Евреев не хотели брать ни Англия, ни Скандинавские страны, ни Швейцария, ни Северная Америка.

Сталин заставил евреев вспомнить, что они не такие, как все, и должны за это отвечать. Но открыто это проявилось и стало государственной политикой только в 1949 году. Во время войны евреи стали опять нужны. Но уже с осени 1942 года ЦК партии (Щербаков, Александров) выпускали одну за другой секретные инструкции по ограничению евреев (награждение за подвиги на войне, занятие руководящих постов в искусстве и даже в оборонной промышленности, где директора-евреи были организаторами массового производства самолетов, танков, артиллерии и успели стать генералами и гертрудами).

Настоящее подавление евреев началось после войны. Поводом для открыто антисемитской политики партии, с удовлетворением встреченной «народом», стал провал надежды сделать Израиль не просто социалистическим государством, а сателлитом Советского Союза, по примеру стран Восточной Европы. Государственный антисемитизм с разной степенью интенсивностью просуществовал до развала Советского Союза.

Инициация в комплексники. Экспедиция в Сухуми

Глазьев одобрил мое погружение в теорию обнаружения, но просил не забывать о связи ее с точностью определения обнаруживаемого объекта.

Тогда доступны были три книжки, написанные по следу американских исследований и устоявшихся курсов: Вайнштейна и Зубакова, Фальковича и Гуткина. Мне понравился Гуткин – у него стиль приближался к американскому. В отличие от немецких и старавшихся им подражать русских авторов, американский стиль преследует главную цель – понятность, для этого автор все время старается убедить читателя, что все просто, и он в состоянии все это постичь. В немецком и перенятом у немцев русском и советском стиле авторы стараются показать читателю, насколько трудна и сложна наука и как умен автор, а читатель, если и сподобится понять написанное, то с большим трудом и не все. Слава богу, были важные исключения.

Преподавал Гуткин в артиллерийской Академии в Харькове. Известно, что для военных все нужно излагать четко и понятно, иначе они строем ходить не будут. Думаю, что позже, когда я уже и сам что-то делал самостоятельно, я ничего не потерял, не встретившись с ним лично. Говорили, у него был непростой характер, и с ним бывало сложно в общении. А вот Фалькович оказался приятным и контактным человеком, жаль, что я его узнал поздно, когда он уже был на «гражданке», профессором Харьковского института радиоэлектроники. Мы собирались делать совместную работу, но не получилось.

Открытия я делал в теории обнаружения только для себя, мои старшие товарищи помочь мне не могли, и Глазьев послал меня к киевскому гуру и учителю большинства наших сотрудников, профессору Карновскому. Марк Ильич (М. И.) во время войны в тридцать с небольшим лет защитил докторскую диссертацию по звуковым сиренам. Он заведовал кафедрой электроакустики КПИ (а до этого Института киноинженеров – КИК). М. И. проявил ко мне интерес, он, один из немногих в Киеве, знал и ценил Лурье. После встречи с Марком Ильичем у меня осталось чувство некоей неудовлетворенности – и своими знаниями и тем, что быстро помочь мне нельзя. Карновский напутствовал меня хорошими и ободряющими словами. Он понимал, что нам всем (и его кафедре тоже) нужно будет еще многому учиться в области обработки гидроакустических сигналов.

Через пару месяцев я, весь в машинном масле, прервал, извинившись, его беседу с Глазьевым, чтобы спросить у последнего точный адрес станции назначения для груза в Сухуми (Кодори) и получить другие ц.у. (ценные указания). М. И. удивился. «Я думал, он у вас оптимальным обнаружением занимается». «Он у нас всем занимается – самодовольно ответил Глазьев, – мы, комплексники, все такие».

Ударной силой в группе был Виктор Лазебный, переведшийся из киевского института Инженеров гражданского воздушного флота. Там он был старшим преподавателем (чин капитана-майора по шевронам), а к нам пришел старшим инженером. Он был креативным человеком; считал, что вся теория (и по пеленгованию в том числе) давно известна и изложена в учебниках по радиолокации. Вопрос только в том, как воплотить то, что известно, в металл для гидроакустических применений. Этого умения окружающим не хватало. Но акустики не знали радиолокации, а ему ее теоретические основы в Институте инженеров гражданской авиации уже надоели и он стал рисовать схемы и паять. Так как Глазьеву требовалась и «наука», некоторое время мне позволили еще ею заниматься, а потом я погрузился в организацию экспедиции для проверки принципов пеленгования в морских условиях.

Экспедицию проводили в Сухуми. Я занимался ее подготовкой, начиная от сбора всего необходимого, упаковки, транспортировки и т. д..⁴¹ При этом пришлось повесить на себя мате-

---

⁴¹ Теперь это называется логистикой и является отдельной специализацией.

риальную ответственность почти за все, включая 1000 метров стального троса на катушке и ручную лебедку на две тонны. Некоторые приборы отправлять поездом было нельзя (или были не готовы, или секретны). Тут же мне оформили разрешение на оружие (пистолет ТТ) и в феврале 1965 я отправился в Сухуми на грузовой машине сопровождающим секретного груза. Опытный водила сказал мне, что моя главная задача – охранять пистолет, так как этот груз никому и на хрен не нужен. Все было под брезентом и под пломбами и милиции досматривать груз не разрешалось. Каково же было удивление водилы, когда на затяжном подъеме уже в Абхазии, когда наша тяжелогруженная машина еле тянула, встречный водитель знаками дал понять нашему водиле, что в кузов кто-то проник. Я дал приказ остановиться, выскочил из машины, на ходу вытаскивая пистолет и снимая предохранитель, увидел, как какая-то согбенная фигура в несколько прыжков добралась до придорожного леска и пропала в густой поросли. Я-то бежал за ней, лихорадочно думая, стрелять сначала в воздух, а потом? Но мой запоздалый крик: "Стой, стрелять буду!" отдался только эхом. Осмотрев машину и убедившись, что пломбы на ящиках целы, мы отправились дальше. Оказалось, что здесь было известное и очень удобное место, чтобы «чистить» машины. А караваны грабили здесь веками, стоит только заглянуть в абхазские героические сказки.

С прибытием на Сухумскую станцию⁴² приключения не кончились.

Очередное совещание на Сухумской станции (руководство и наша группа) было прервано начальником охраны с вопросом:

- Товарищ начальник, разрешите обратиться к т. Rogozovskomu.
- Обращайтесь.

---

⁴² Из воспоминаний Вакара. Почти сразу же с образованием [Акустического института](#) стала создаваться [Сухумская морская научная станция \(СНМС\)](#). Инициатором, вдохновителем, главным действующим лицом был Юрий Михайлович [Сухаревский](#), которого все за глаза и в глаза звали [ЮМС](#). Расположена станция на мысу у самого сухумского маяка. Начиналось все это строительство с нескольких дощатых построек сарайной архитектуры. В одной из них был камбуз и рядом под навесом столовая. В других жили "молодые ученые" на раскладушках. Научная аппаратура располагалась на самодельных столах прямо на берегу. Приемно-излучающие устройства укреплялись на «колеснице» с длинной оглоблей, которую «ученые» с криком: "Раз, два, взяли!" закатывали в воду. Форма одежды – плавки, рабочее время – неограничено, идеи – младенческий возраст гидроакустики, отношения – одна большая семья с ЮМСом во главе. Неумная энергия ЮМСа, бескорытность, целеустремленность превратили постепенно этот кусочек сухумского пляжа в научную станцию. Появились лаборатории, корабли, причалы, гостиницы, заборы, проходные, первый отдел, охрана и пр. и пр. Но все это происходило далеко не сразу, и первые годы молодого задора, энтузиазма, вдохновляемого ЮМСом, южное солнце, теплое море, дешевая «чача» и «изабелла», поездки в горы остались, я думаю, у всех к тому причастных, как светлое пятно далекой молодости. Создатель станции ЮМС вспоминает. Последний раз я был в Сухуми на пятидесятилетии станции в 1998 году дождливым мартовским днем. Прошелся по улице недалеко от маяка, названной в мою честь улицей Сухаревского. Посмотрел на прекрасные цветники, сделанные на станции с участием Сухумского ботанического сада, обошел лаборатории. На дверях лаборатории висела мемориальная табличка: "Здесь в 1948 году профессор Сухаревский поставил палатку и начал гидроакустические эксперименты." Когда-то зам. директора АКИН'а велел табличку снять, но мой ученик, академик Ильичев спрятал ее себе в стол, а потом снова повесил.

Морской павильон для акустических измерений

– Товарищ Rogozovskiy, разрешите воспользоваться вашим пистолетом для проведения учебных стрельб силами личного состава, так как у нас нет современного оружия – только винтовки Мосина (1896/1938 гг.) и револьверы системы Наган. Все будет зарегистрировано и оружие после стрельб будет приведено в первобытное состояние.

Рогозовский, Коломиец, Глазьев

Сейчас (да уже сразу после экспедиции) я этого ни за что не разрешил бы. Что могло быть повешено на этот пистолет, я не знаю. На нем были мои отпечатки и отпечатки Димы – моего годовалого сына. Но тогда я об этом не думал и даже был польщен своей «значительностью».

Сухумская станция жила своей жизнью, у нее были свои планы и мы, как гости, должны были подстраиваться под ее график. Построенный в конце эстакады павильон был часто занят, и мы получали время для работы в нем по остаточному принципу. Основными приборами были тракты гидроакустической станции «Ока», основные испытания которой закончились в прошлом году и блок «точного пеленгования», который спаяли «на коленках» по схемам, нарисованным Витей Лазебным.

Витя считал, что проблемы пеленгования сигналов уже решены в радиолокации, и нужно только найденные там методы и технические решения перенести в гидроакустику. Поэтому он выбрал в качестве основного самый точный метод радиолокационного пеленгования – фазовый.

Увы, море оказалось неподходящей средой для этого метода – фаза «не стояла», и получить положительные результаты не удавалось. Прежде чем перейти к другим методам, попытались выполнять измерения пеленга от объекта, расположенного дальше от берега, где влияние прибрежных волн и отражение от границ сильно влияло на изменчивость фазы,⁴³ когда отрицательный результат сыграл положительную роль в проектировании следующего поколения опускаемых гидроакустических станций. Оно началось через год после получения результатов экспериментов.

Хотя мы максимально использовали отведенное нам для экспериментов время, но море и выделенное нам корабельное обеспечение (малое научно-исследовательское судно «Зея») ограничивали наш энтузиазм. Море волновалось, приходила и штормовая погода. «Зея» была занята под другие проекты, а иногда и выходила из строя. Майские праздники выключили нас на неделю.

Экспедицию возглавлял Глазьев, кроме него в группе состояли Виктор Лазебный, Эля Коломиец (Акопян), занимавшаяся гидрологическим обеспечением, Эдик Роговский (радиомонтажник) и я.

У Глазьева предрассудков не было. Он считал, что праздники нужно провести по-особенному. Окрестности Сухуми мы уже «освоили» и Глазьев решил, что мы можем погостить у родственников Эли в Ереване. Папа Эли – генерал-майор авиации Акопян – был начальником факультета Киевского Высшего Инженерного Авиационного Училища (КВИАВУ) и родственники в Ереване им очень гордились. Кроме того, они хотели увидеть Элю, пусть даже с нагрузкой в виде сотрудников. Эдик уехал в Киев (кажется, сдавать экзамены в техникуме) и поехали мы вчетвером. Так как все решалось в последний момент, билеты пришлось брать перед отходом проходящего поезда. Мне понадобился мой ленинградский опыт добывания «лишних» билетиков на концерты звезд, чтобы в толпе жаждущих «вырвать» билеты в плацкартный вагон до Тбилиси. Лазебный был недоволен – нужно было брать билет сразу до Еревана – это было бы дешевле. Глазьев его осадил: ты же сам видел – или такой билет, или никакого. В Ереван мы ехали уже в более комфортных условиях.

Тбилиси мне «глянулся» сразу. Кура, Метехи, Мтацминда, Старый город, серные бани, в которые мы только заглянули, армянский район Авлабар, проспект Руставели с сохранившимися еще духанами.

К Еревану нужно было привыкать. После Тбилиси показалось холодно и, в смысле архитектуры, сурово. Это с избытком компенсировалось теплым и даже душевным отношением

---

⁴³ Через много лет познакомился с удачным использованием фазового метода для акустического наведения торпед на подводную лодку с подводной лодки. Разница была в том, что метод работал практически в одном (глубоководном) слое воды.

к Эле и к нам, ее коллегам. Нам показывали Ереван и Эчмиадзин. Там, в резиденции армянского патриарха – Возгена II, прямо в соборе был устроен небольшой музей, где под стеклом хранились щепки от Ноева ковчега, найденные на горе Арарат, когда она уже была не на территории Армении. На наш вопрос, а каким образом это можно верифицировать, аспирант духовной Академии, ведущий экскурсию на английском (сам он был французом, знал армянский, но русского еще не успел выучить) выдал, не задумываясь, следующее. «Радиоизотопный анализ показал, что щепе 5200 лет, а порода дерева – эндемик, растущий в междуречье Евфрата и Тигра, что подтверждено международным научным сообществом». Среагировать мы не успели, и аспирант через пару минут закончил свою блестящую экскурсию.

Побывали мы в доме-музее Сарьяна и, конечно, в Матенадаране. Уже тогда, а позже, при более длительной командировке в Ереван, еще больше, поразило знание армянами своей истории, истории семьи и страны.

Ленина ненавидели больше всего, но эта ненависть была табу. Сталина ненавидеть уже было можно, но не за то, что он лично отдал равнинный и горный Карабах азербайджанцам, которые до революции назывались тюрками (передачу Нахичевани Азербайджану еще ранее одобрило Политбюро).

Молотова же ненавидели открыто (за публичный отказ от требований вернуть Карс и другие районы из состава Турции в Армению). Правда, исторический анекдот, который я слышал, может быть и в Армении, несколько меняет это представление. Якобы на ноту Турции о недопустимости изображения горы Арарат в гербе Армении (Арарат, хорошо видный из Еревана, до 1920 года находился на территории Армении) Молотов ответил, что еще более недопустимым является нахождение полумесяца на гербе Турции – луна-то уж никак Турции не принадлежит.

Вернулись мы в Сухуми, полные впечатлений. Готовы были на трудовые подвиги, но погода и выделяемое корабельное обеспечение нам не благоприятствовали.

По сравнению с Тбилиси и Ереваном Сухуми, особенно во внесезонное время, был провинцией. Его достопримечательности можно было обойти за день, а для более далеких экскурсий в горы и в пещеры (Афонские еще были не открыты) времени у нас не было. Жили мы в гостинице «Тбилиси», которая находилась между центром города и маяком, возле которого располагалась Сухумская морская станция.

В конце марта «пляжников» еще не было и туда, в отличие от помпезной «Абхазии», можно было еще поселиться. Обедали/ужинали мы в скромном ресторане своей гостиницы. Меню там было довольно однообразным, и однажды я попросил залить жареную картошку яйцом, как делала буба (бабушка по маме). Когда повар принес огромную сковороду картошки фри, залитую яйцом и украшенную зеленью, две компании грузин, сидевшие неподалеку от нас, возбудились и потребовали – и нам такое!

Завтракали, мы, как правило, почти на ходу, в какой-то забегаловке в центре: кефир или мацони, сметана, булочка. Витя Лазебный добавлял в кефир ложку сахара. Она стоила одну копейку. Толстый усатый повар, получив чек, выдавал оплаченное. Не в первый раз получив от Вити чек, он вдруг спросил: а что такое – один копейка? Ложка сахара – ответил Витя. Какой ложка – нужен сахар – бери сахар! И он вместо ложки зачерпнул из бака, стоявшего возле него, стакан сахара и подал Вите. Спектакль этот он сыграл для самого себя – зрителей в кафешке, кроме нас, не имелось.

Все-таки две вылазки в «злачные» места у нас случились. Глазьев из вызова на телефонные переговоры на главпочтамт узнал, что у меня 18 мая день рождения и решил, что это стоит отметить. Денег, чтобы повести всех в ресторан вечером, у меня не было, и Глазьев предложил сброситься.

Достойным признали ресторан на горе. Кухня там была обыкновенная южная, но зато играл оркестр румынских цыган, каким-то образом зацепившийся в Сухуми. Глазьев пытался

расшевелить нас после напряженного трудового дня. Он предложил разыграть право на ухаживание за нашей единственной дамой Элей, и оно досталось мне. Ее посадили справа от меня, и я мог рассчитывать на ее эксклюзивное внимание. К Эле я относился хорошо, но мне как-то стало грустно – днем успел поговорить по телефону с Ниной и Вадиком, который сопровождал Нину на переговоры, и я после двухмесячного отсутствия остро почувствовал тоску по дому. Писал домой редко, письма шли долго. После моего отъезда и десятидневного отсутствия вестей мама даже позвонила на работу и спросила, все ли со мной в порядке, что в отделе долго помнили.

Итак, на своем 26-м дне рождения мне пришлось извиниться перед Элей и передать право ухаживания Вите Лазебному, который хотел этого больше остальных.

Вовремя, так как к паре Эли и Вити подплыл толстый и кудрявый скрипач и стал играть для нее соло. Я бы в этой ситуации не знал, что делать (казалось, нужно было одарить скрипача особыми чаевыми), но Витя просто шуганул его, и он отплыл к другой, более «перспективной» паре.

В Сухуми еще сохранялись старые обычаи. На станцию приехала на два дня подруга Эли из 11-го отдела, чтобы получить гидрологические разрезы прежних лет в районе станции. Единственный раз мы прошлись с ними днем по центральной улице. Они несколько отстали от нас, чтобы обсудить свои «женские секреты». Вдруг мы услышали какие-то возмущенные возгласы и басовые ноты кавказского говора. Обернувшись, мы увидели, что девушек растаскивают в разные стороны, а рядом припаркована «Волга» с открытыми дверями. Хорошо, что девушки отстали недалеко, и мы успели на помощь. Драки не было, грузины сказали, что женщины одни у них не ходят. (В фильме Антониони «Не промахнись Ассунта!» с Моникой Витти сцена сцепившихся по-трое женщин, выходящих из дому в соседнюю аптеку за аспирином, тоже соответствовала местному колориту).

В Сухуми еще оставались греки: часовщики и продавцы кофе, жарившие зерна и варившие чудесный кофе в джезвах, погружаемых в горячий песок.

Через некоторое время греки исчезли, и мне повезло, когда через много лет я нашел еще последнего греческого часовщика на набережной. Он посмотрел на мои электронные часы (одни из первых) и сказал, что во влажном климате они работать не будут. Когда я показал, что на циферблате написано о возможности погружения на глубину 30 м, он сказал, что я неправильно понял – на самом деле это значит не подходить к морю ближе 30-ти метров.

Вообще Абхазия представляла собой типичную кавказскую автономную республику. Практически на всех руководящих постах (включая директора «атомного» института в Агудзерах) находились грузины. Но на титульном посту первого секретаря обкома всегда находился абхаз. Много об Абхазии можно узнать из чудесных рассказов и повестей Фазиля Искандера, но «Созвездие Козлотура» появилось позже.

Письменность на основе кириллицы появились в Абхазии в 1920-х годах. Многие названия начинались на букву а (ареспублика, авокзал, акафе и т. д.).

При объявленной Дружбе народов в Абхазии дружно (под присмотром партии и КГБ) жили представители разных национальностей (греков выселили). В армянской школе (семи-летке) дети учили пять языков: армянский, абхазский, грузинский, русский, ну и какой-нибудь английский.

Несмотря на теплое море, фрукты и природу, русские приживались в Сухуми не просто.

Недалеко от гостиницы «Тбилиси» показывали нечто среднее между коттеджем и виллой, принадлежавшей недавнему выпускнику ленинградского Первого медицинского Сергею. Он был хирургом и хотел набраться профессионального опыта. Но ему, кроме аппендицитов, ничего самостоятельно оперировать не давали. Как-то по скорой в больницу попал один из местных начальников, да еще с перитонитом. Медлить было нельзя, и операцию провел ленинградец. Она прошла успешно, в отличие от такой же операции у друга оперируемого, которую

проводил «правильный» хирург. По требованию начальства теперь многих из них оперировал Сергей. Все бы хорошо, одно не устраивало местных врачей: он не брал за операции денег. Ему объяснили. Он не понял. Его отстранили от операций и сказали – будешь жаловаться – до конца срока отработки (он был молодым специалистом) на свободе не доживешь. Он понял, ему разрешали оперировать все более сложные случаи, регулируя оплату и его вознаграждения. Скоро у него появилась «Волга», потом коттедж, потом «шале» в горах. Потом он запил (или сделал вид, что запил) и через несколько лет уехал.

Еще одна запоминающаяся вылазка организовалась по моей наводке. Чей был день рождения, не помню. В Эшерах, деревушке неподалеку от Сухуми, к ожидаемому приезду Эйзенхауэра в 1960 году был построен ресторан «Ущелье». Между двух нависающих над ущельем и почти смыкающихся вверху скал протекал ручей. По дну ущелья устроили террасы для столиков, в скалах выдолбили гrotты для полуоткрытых «кабинетов», ручей одели в гранит, сделали запруды с плавающей в них форелью. Эйзенхауэра в СССР не пустили – он обидел Хрущева, снова разрешив полеты У-2. Пауэрса сбили над Уралом 1 мая 1960 года (интересные подробности об этом в книге 2, стр. 278). Визит был назначен на осень, но Эйзенхауэр и улучшающиеся отношения с Америкой перестали интересовать Хрущева. Он, по-видимому, решил, что нового, в любом случае молодого президента (Никсона или Кеннеди) он сумеет перехитрить (см. кн. 2, стр. 190).

Возвращаясь в «Ущелье» вспоминаю, как мы выбирали форелей в запруде, и пили вино, пока их жарили. В конце мая в Эшерах было жарко, но здесь, в скалах, прохладно.

На выходе из ресторана помещался фрагмент фольклорной деревни с плетеными заборами и коптившимися на них сулугуни и бараниной.

Копченый сулугуни стоил непомерно дорого. Модерная гостиница с террасами в сторону долины предназначалась для высоких гостей, туристов туда не пускали.

В Сухуми вернулись к вечеру – транспорт в Эшеры практически не ходил, а вечером можно было нарваться на излишне гостеприимных хозяев частных машин. Кто-то подбросил нас до маяка, возле которого находилась Станция. В разнообразных частных домах вокруг маяка ютились сотрудники Станции. Где-то среди них обретался и киевлянин Феликс Соляник, но мы его тогда не знали. На единственной культурной точке поселка при маяке – кинотеатре «Маяк» – висела реклама пародийного вестерна «Лимонадный Джо». На ней крупным шрифтом выделялась надпись: «Хочешь драться как в кино, пей грузинское вино!». Разнообразием грузинских вин Сухуми не блистал, но абхазские (качеством пониже) присутствовали. В список 29 номерных грузинских вин (книга 2, стр. 142) входили два абхазских: «Чхавери» и «Усахелаури».

Кругом разруха, но маяк 1864 года работает и сейчас

Чхавери можно было в нашем ресторане пару раз получить, а насчет «Усахелаури» я поспорил с официантом-грузином, с публичной фиксацией спора свидетелями, что оно красное. (Вся обслуга в ресторане была грузинской, абхазы в нее не стремились). На ящик его или «Чхавери». Он проспорил, но достать «Усахелаури» не мог – весь виноград был уничтожен филлоксерой. Но «Чхавери» он тоже не поставил.

Легенды о всеобщем кавказском благородстве подверглись в Сухуми испытаниям. Однажды в бане (горячей воды в гостинице не было, а в номере не было и душа – зато был балкон) услышал разговор двух водил. Один был, судя по акценту, армянином, второй абхазом. Старший говорил младшему: «Как это – денег нэт? Сейчас уголь для отопления котельных вожу – одну машину вместо детского сада хорошему человеку привез – вот и деньги!». «Дык дети же замерзнут» – недоумевал второй. «Савсем неумный – кто ж детей без тепла оставит – еще машину дадут!».

Однажды мы с Эдиком Роговским (тогда он был у нас радиомонтажником) договорились с Глазьевым, что уйдем пораньше из Павильона на отборочный матч чемпионата мира по футболу. (Обычно сидели допоздна, пока не темнело).

Лазебный, Коломиец, Роговский, автор у развалин на Иверской горе

«Что, в Сухуми?» – удивился Глазьев. А мы удивились его наивности – в Сухуми не было ни приличной команды, ни, тем более, приличного стадиона. Матч был в Москве, с Грецией. Проверили телевизор в гостинице. Он не работал. Эдик сказал: нет проблем, починим. Но старшая из наших коридорных – седая грузинка с прямой спиной и княжеским профилем, сказала, что она разрешить ремонт не может – этот вопрос может решить только директор. Директор не появлялся несколько дней, и коридорная сказала – меня уволят, если что-нибудь выйдет не так, приходите лучше ко мне домой.

Глазьев, который не проявлял никакого интереса к футболу, в гости к грузинке тоже захотел пойти. Купили цветы, Глазьев настаивал на бутылке шампанского и из-за этого опоздали.

Семья (наша «княжна», ее сын, его жена и двое прелестных детей) ужинали. Не так, как у нас, на кухне, а в большой комнате за хорошо накрытым столом. Без вина. Наш приход нарушил семейную идиллию. Детей увели и докармливали на кухне. Жена тут же ушла из-за стола и стала нас обслуживать. Мать некоторое время посидела с нами, потом ушла к внукам. Шампанское мы, конечно, выпили, но хозяин вынул бутылку «Енисели». Нас стали угощать, приговаривая, что отказываться неудобно. Уйти было невозможно. Я все-таки попросил включить телевизор, и мы вполглаза следили за развитием игры. Начались тосты хозяина и ответные тосты Глазьева. Присевшую было жену, муж довольно бесцеремонно послал за какими-то припасами. Дружеская трапеза была мужским делом. Футбольную передачу, звук которой уменьшили, а картинку на маленьком экране не настраивали, смотреть было невозможно. Сын вынул еще какую-то бутылку и, несмотря на наши протесты, заставил нас выпить. Я надеялся, что Глазьев не станет восхищаться кинжалами, висящими на персидском ковре на стене – вдруг начнут дарить? Обошлось.

Мы с Эдиком не знали, куда деваться от стыда. На следующий день извинялись перед коридорной. Спросили как же так, мы нарушили покой семьи, муж грубовато повел себя по отношению к жене и т. д. Она нас успокоила – он неделю будет просить у нее прощения, вести себя с ней, как с невестой, но это без свидетелей. Но не показать себя джигитом и хозяином в доме при гостях грузинский мужчина не может. Почему же Вы не сказали, что живете с семьей сына – мы бы поехали на Маяк. Она ответила, что ей было стыдно, что она не может проявить положенное гостеприимство – предоставить в гостинице телевизор или разрешить починить

его. И выбрала из двух зол меньшее – пригласить в недавно еще ее дом, в котором после смерти мужа хозяином стал сын.

Вылазка в Новый Афон особенного впечатления не произвела. Монастырь был закрыт, как и его главный полуразрушенный собор. На его территории размещалась (в основном в палатках) туристская база. Мы поднялись на Иверскую гору в поисках остатков разрушенной Анакопее, но нашли только остатки часовни Иконы Иверской Божьей Матери.

Последнее, что запомнилось из сухумской экспедиции, был «подвиг» Глазьева по добычии движущейся цели для эксперимента по точному пеленгованию. Корабли станции («Зея» и «Стрела») уже были для нас недоступны. Глазьева свели с местными «колхозными» рыбаками, у которых был малый сейнер.

Вместо иконы была надпись

На встречу Глазьев собирался тщательно: надел галстук и процедил остатки спирта со следами ржавчины из последней нашей канистры со спиртом. Рыбаки приняли его дружески, спирт проигнорировали – пили замечательную чачу из винограда «Изабелла». Сам факт общения столичного ученого с простыми парнями с сейнера и его просьба пройти пару раз мимо измерительного павильона станции был для них поводом для самоуважения.

Появился Глазьев под утро, без галстука и держась за стенку. Утром он сказал, что пил со многими – со строителями, летчиками, военными моряками, но здесь было что-то из ряда вон выходящее. Особенно, если учитывать, что после пьянки, выведший его из строя, рыбаки в пять утра вышли в море на костоломно тяжелую и опасную работу.

Через день эксперименты с пеленгованием с помощью рыбаков были завершены, а еще через день они взяли его с собой на утренний лов...

На мой взгляд, эксперимент положительного результата не достиг, но Глазьев думал по-другому. Кроме того, имелись сроки выполнения других работ, о которых я не знал. Мы срочно уезжали в Киев. Все, как «белые люди», улетали на самолете. Я, как вооруженный охранник, сопровождал секретный груз на машине. Что-то мы отправили по железной дороге, что-то оставили на станции. Незадолго до нашего отъезда нас попросили оставить бухту стального

троса, намотанного на двухметровую катушку. Причем не руководство, а военизированная охрана, состоящая в основном из местных джигитов. Трос был использован для проведения экспериментов, в частности постановки на дне излучателей. Но основная его часть оставалась на катушке. Кроме того, мы привезли и использовали двухтонную лебедку. Про нее разговора не было. За трос (который был страшным дефицитом при обустройстве виноградников) предлагали две бочки вина. Мы (с внутренним сожалением) отказались. Откровенных угроз не помню, но какие-то намеки были. За день до отъезда катушка с тросом с территории станции, находящейся под военизированной охраной, пропала. Разбирательство с руководством станции и охраной результатов не дало. Пропажу лебедки, которую отправляли железной дорогой, заметили только в Киеве. Обе они были записаны на меня, как материально ответственного. Трос на катушке с помощью справки со станции, подписанной Ильичевым, списали быстро. А вот лебедка «висела» на мне несколько лет и грозила мне большими потерями, если бы при очередной инвентаризации институтского оборудования ее не списали.

Последним аккордом в Сухумской эпопее был конфликт с машиной. Он предложил (по наводке той же охраны) загрузить в машину тонну мандаринов.

Вывозить мандарины из Грузии частным лицам было запрещено. Водила надеялся, что опечатанный груз, его путевой лист и я, как сопровождающий с оружием и со справкой о недопустимости вскрытия секретного груза, освободят нас от досмотра. По крайней мере, в Абхазии, а в Краснодарском крае и дальше он уже умел договариваться и помимо справки. Обещано было довольно много – несколько месячных зарплат. Ни минуты не сомневаясь, я отказался. Я так и не проникся главным принципом развитого социализма – что охраняешь, то имеешь.⁴⁴

Особых приключений в дороге не было, за исключением того, что машину все-таки вскрывали – на Кубани милиция не верила, что кто-то может упустить возможность заработать на мандаринах и тем самым лишить их «отката».

---

⁴⁴ В отличие от коллег из 11 или 12 отделов, пару раз возивших на Камчатку в самолете АН-8 вместе с секретной аппаратурой тонны яблок на продажу – не пропадать же даром возможности провезти в полупустом самолете витамины и вознаградить себя их продажей за тяготы тамошней командировочной жизни.

Подготовка к вертолетным испытаниям

Побить дома и окунуться в семейную жизнь мне не дали. Готовились летно-морские испытания с вертолетной гидроакустической станцией (ВГАС) «Ока» для получения экспериментальных данных для ее модернизации и проектирования нового поколения вертолетных станций.

Аппаратуру, которая у нас была в павильоне Сухумской станции, предстояло теперь разместить в вертолете Ми-4. Вертолет Ка-25, для которого предназначалась «Ока», был еще не готов. Заводские и Государственные летные испытания 1963 года для ее сдачи уже проводились на Ми-4. Переоборудование вертолета под испытания, выделенного летно-испытательным центром (ЛИЦ), только что созданом Гризодубовой, проводились в спешке. Никакой документации о переоборудованном вертолете не сохранилось, хотя с тех пор прошло меньше года.

Эскиз размещения аппаратуры в кабине Ми-4, который мы с Лазебным нарисовали в Киеве, в ЛИЦ был забракован. В этот раз все планировалось делать «правильно». Чертежи переоборудования вертолета должны были выполняться в КБ ЛИЦ и утверждены в КБ Миля.

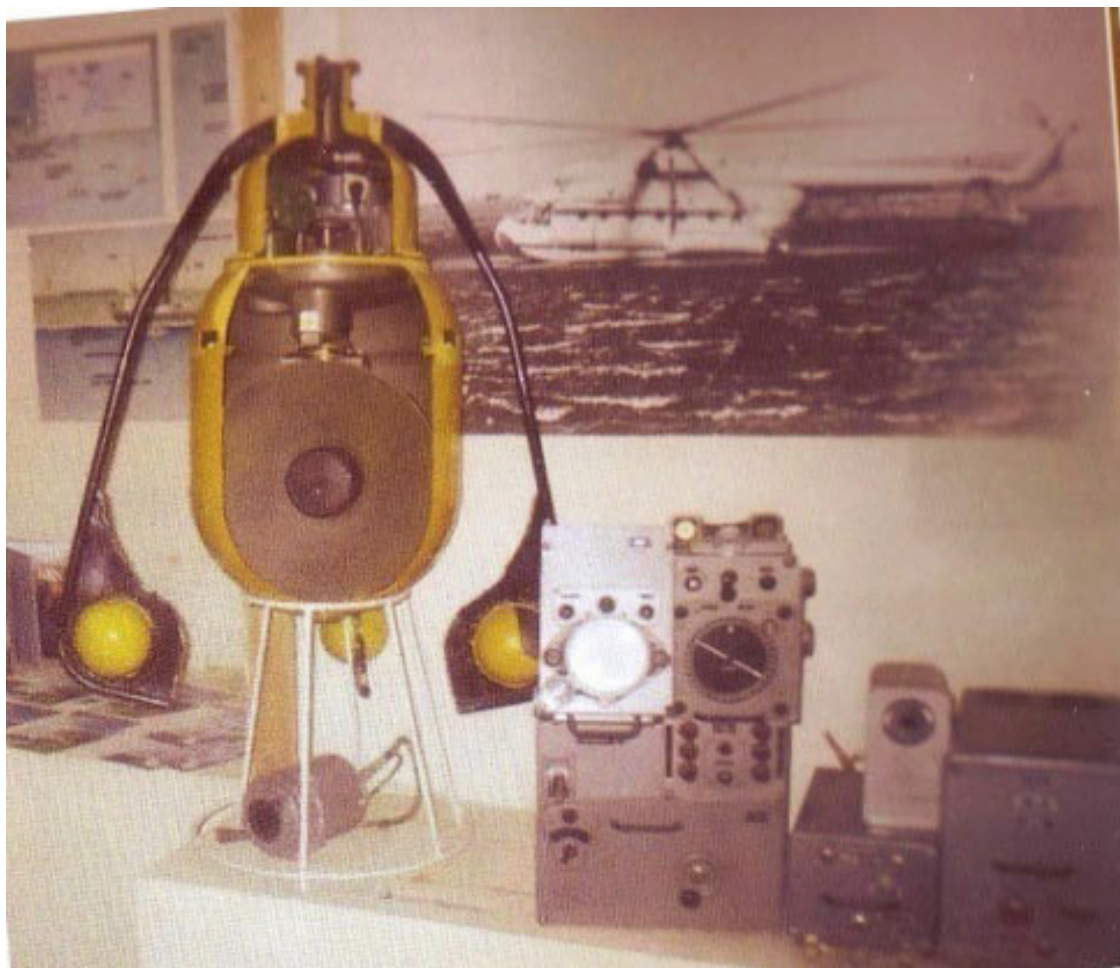
Не помню, принимал ли участие в работе отдел главного конструктора п/я 153, но в КБ Миля возникли претензии.

С конца 50-х и до 70-х, когда упали цены на нефть, почтовые ящики бурно размножались, почковались и переименовывались в НИИ и заводы.⁴⁵

Коснулся этот процесс и Комитета по Радиоэлек-тронике (с апреля 1965 г. Минрадио-прома). Его инсти-туты, разрабатывающие радиоэлектронику для авиа-ции (в подавляющем большинстве военной) нужда-лись в летных испытаниях своих приборов и проби-вали их через свои отделы летных испытаний.

---

⁴⁵ В 1970-х начался процесс их консолидации и объединения в научно-производственные объединения (НПО).

Приборы Оки-2 в разрезе на выставке

Заместителем директора по летным испытаниям одной из ведущих в этой области организаций – НИИ-17 на Кутузовском проспекте – была Валентина Степановна Гризодубова. Воспользовавшись союзным статусом Комитета, она, при поддержке его председателя В. Д. Калмыкова, и пользуясь широкими связями в авиационных кругах, создала научно-исследовательский летно-испытательный центр (НИ ЛИЦ). Располагался он возле деревни Суково, вскоре поглощенной поселком Солнцево, возле одноименной ж/д станции и тамошнего грунтового аэродрома. Основными самолетами на нем были Ли-2 (см. книгу 2, [Рог15]) и вертолеты Ми-4.

Дело в том, что для многих приборов в испытании на еще не готовых новых самолетах необходимости не было. Например, Марк Галлай отработку слепого полета по радиолокационным данным и радиоприборам отработывал для бомбардировщиков на Ли-2.

Гидроакустическая станция «Ока» (получившая серийное наименование ВГС-2) разрабатывалась для вертолета Ка-25ПЛ. Вертолет был еще не готов, и испытания решено было провести на Ми-4. Так как наш ящик и НИ ЛИЦ были тогда в одном Комитете по радиоэлектронике, то отсутствие ведомственных барьеров способствовали быстрому заключению договора на выполнение государственных испытаний «Оки» на их Ми-4, успешно проведенных летом 1963 г.

Итак, проект переоборудования выполнялся в ЛИЦ. На первый взгляд сложного там ничего не было: в кабине нужно было разместить пару стенов для стандартных радиоизмерительных приборов, а также прибора управления и индикации Оки, генератора и усилителя. Кроме того, предусмотреть их крепление и питание (на вертолете сеть 400 Гц). Труднее было

разместить и укрепить довольно тяжелую лебедку с кабель-тросом, соединяющим опускаемый под воду прибор 10 «Оки» с прибором управления и индикации, генератором и усилителем.

Самым сложным оказалось сконструировать и разместить устройство для приема опускаемого устройства внутри вертолета. Оставлять его вне вертолета было нельзя по двум причинам: во-первых, даже его внешний вид был секретным, во-вторых, при посадке вертолет мог его раздавить.

Для его размещения внутри вертолета нужно было делать в полу кабины вырез диаметром около 70 см и конструировать так называемую «юбку» для приема прибора 10.

Помог случай. Однажды я, спеша в монтажный участок, столкнулся в дверях КБ с невысокой, но очень корпулентной немолодой дамой в модном крепдешиновом платье. Несмотря на мою скорость, дама не пошевелинулась, а я отскочил от нее, как теннисный мячик от стенки. Дама была очень плотной. Приняв мои извинения, она поинтересовалась, кто я такой и что здесь делаю. Я представился, она тоже, хотя в этом не было необходимости – ее все знали. Это была легендарная Гризодубова. Пожатие у нее было мужским, взгляд проникающим. Благоклонно мне кивнув, она что-то спросила у Левина и царственно покинула КБ.

Через день она пришла в бюро и сказала, что их жалобы на нехватку места и скученность – там на человека приходилось около 3 м^2 (меньше санитарной нормы) не подтвердил ее заместитель. «Душно» – запричитали девушки – лето было жаркое.

«Я узнаю, что можно сделать, сказала В. С., но у меня нет аргументов». Тогда я, извинившись за вмешательство в чужие дела, сказал, что эти нормы составлялись для канцелярий, а не для конструкторских бюро и для потолков не менее 3,5 м высотой. Не помню, откуда во мне всплыли эти цифры, а сейчас и не могу узнать, сколько тогда было в СНИПе (строительных номерах и правилах). Мое нахальство недовольства у В. С. не вызвало; конструкторы мое вмешательство одобрили.

Еще один эпизод повлиял на мои отношения с КБ и В. С. Когда чертежи переоборудования были готовы, ребята в КБ мне объяснили, что к каждому документу должны прилагаться ноги, иначе результата можно не дожидаться. Чертежи предстояло согласовывать в КБ Миля. Находилось оно в Томилино, в полчаса езды от Курского вокзала.

Приняли меня там без восторга. У них была своя работа. Потом нашли кого-то, кто был связан с морским применением Ми-4, и дело сдвинулось. Но тут они увидели 70-сантиметровое отверстие в «полу» вертолета и зашумели: «ну, это нужно согласовывать с прочнистами, и это будет нескоро». И указали на довольно молодого человека, подключившегося к беседе.

К этому времени я уже знал, что прочность вертолета обеспечивают его «шпангоуты» и балки, а палубу-пол можно даже снимать. Но она нам была нужна для размещения приборов, лебедки и исследователей – все это было по весу меньше 12 десантников с оружием, для транспортировки которых и был создан вертолет.

Понимая, что испытания могут сорваться, я пошел ва-банк.

– Давайте я сам это рассчитаю, а Вы проверите – обратился я к прочнисту.

– Вы не сумеете, Вы же приборист – удивился он.

– Нет, – ответил я, – я инженер-физик, по специ-альности «динамика и прочность машин», кафедра Лурье физмеха Ленинградского Политехнического.

Это был в известной мере покер. Конечно, потерю прочности из-за круглого отверстия в плите я рассчитать мог, но для этого мне требовались данные, которые знали только в КБ Миля.

Но и они явно завысили «ставку», как часто делалось в организациях, рассматривающих данную работу как дополнительную. Что-то «пробило» прочниста (как потом оказалось, выпускника МВТУ той же специальности) и он сказал, ладно, приезжайте через пару-тройку дней, мы позвоним.

Думаю, подобные расчеты они уже делали. Может быть, это был тот же вертолет, на котором проходили госиспытания «Оки», для которого уже делали дырку полу. Тогда летно-испытательная база Миля в Феодосии ничего ни с кем не согласовывала и, может быть, сделала «дырку» сама.

Это был единственный раз в жизни, когда я воспользовался названием полученной специальности, от которой отпихивался в институте.⁴⁶ Через год кафедра стала называться «Механика и процессы управления», чем на самом деле она и занималась и чему нас учила. Именно по системам управления (техникой, естественно) я надеялся стать специалистом.

Через три дня мне позвонили, и я был ошарашен, когда увидел чертежи Ми-4 в кальке с нашей аппаратурой и «дырой», где в правом нижнем углу в подписях разработчиков под фамилией Миля стояла и моя. Тушью на кальке я расписался, кажется, в первый раз. Миль расписался сам! Чертежи (синьку) я долго хранил, как свидетельство незаслуженного приобщения к делам и людям большого масштаба.

Чувствовал я себя неловко после удавшегося блефа, но дело удалось продвинуть.

Следующий барьер пришлось брать в монтажном цехе ЛИЦ. Там была своя специфика и люди проще и суровее. Даже спирт их интересовал не очень – при подготовке самолетов к испытаниям новых приборов заинтересованные московские фирмы широко пользовались расходным материалом «для промывки оптических осей».

Пришлось вызывать подмогу из Киева. Слесарь-механик привез стальные полосы и винты для крепления приборов, а Эдик Роговский начал монтаж приборов и подключение их питания через преобразователь.

Нас в фирме еще не знали и на мою телеграмму «Гранит, Гордиенко: Прошу продлить командировку Роговскому. Рогозовский», я получил ответ «Роговскому: Вам командировка продлена». Пришлось звонить в ящик и просить приделать «ноги» к телеграмме.

Вообще-то на территории ЛИИ, огражденной от окружающих полей и аэродрома невысоким забором, порядок соблюдался весьма относительный. Вохра и работяги всю пользувались «мягкотелостью»⁴⁷ В. С. по отношению к ним.

Механики заметили, что бензина для заправки самолетов иногда не хватает. Учинили проверку. Обнаружили слабо замаскированный шланг, перекинутый через забор. Из цистерны через него перекачивали бензин в запасные баки студебеккеров, подъезжающих с другой стороны забора. Воровали понемногу, но иногда не вовремя.

Второй случай. К проходной изнутри подъезжает трактор с новеньким прицепом, в котором гремит слабо привязанная бочка. Охрана строго спрашивает: «Что в бочке? Документы есть?» – «Документов нет». – «Выгружай». Выгрузил и проехал через проходную. Увозя новенький прицеп.

На монтажный цех угрозы пожаловаться Гризодубовой не производили того действия, как на КБ. Пришлось ей действительно пожаловаться, благо на примере Эдика и нашего механика можно было сопоставить квалификацию и объемы работы. В. С. вздрючила не только начальника, но и мастеров. После чего рабочие на меня косились, но вертолет в срок сделали.

Пока делались чертежи и монтировались приборы, готовилась и утверждалась программа испытаний.

В нее, помимо экспериментов по точному пеленгованию, вошли измерения шумов, исследования следящей системы электропривода антенны, наблюдения за динамическим поведением опускаемого устройства.

Гризодубова познакомила меня с экипажем. Летать с нами должен был первый пилот Толя Соловьев, два года назад отлетавший на Госиспытаниях Оки. На тех испытаниях второй

---

⁴⁶ Удивительно, но, несмотря на мою нелюбовь к «механическим» дисциплинам по прочности я имел «отлично».

⁴⁷ Незадолго до этого я имел возможность убедиться в физической «крепкотелости» В. С., столкнувшись с нею в дверях КБ.

пилот менялся, в конце появился Юра Хрущев. С нами он был с самого начала. Важную роль в экипаже играл бортмеханик Виталий (фамилию, увы, забыл), он единственный, кто помнил, как раньше был оборудован вертолет и успел подсказать несколько полезных вещей при монтаже.

Возник вопрос и о назначении ведущего инженера по летным испытаниям. Планируемая кандидатура из ЛИИ Гризодубовой экипаж не устраивала. Человек этот действительно симпатии не вызывал – он был каким-то инородным телом в ЛИИ – скорее всего «засланным казачком» из органов, со связями и с обычной русской слабостью, которая делала его еще более зависимым от органов и не помогавшим, а мешавшим экипажу.

Хотя меня экипаж видел еще мало, но я им, видимо, «показался», и они предложили меня в экипаж как ведущего инженера-испытателя. Это требовало записи (м.б. в полетном задании) и требовало согласования с п/я 153. Признаюсь, я волновался, отправляя телеграмму Алещенко-Гордиенко, с запросом на их согласие с моей кандидатурой, или выделение другого человека (которого еще могла не принять Гризодубова). Конечно, я хотел летать. Мне было все равно, в каком качестве, но запись в полетном задании повышала мои шансы. После некоторой задержки согласие пришло.

Уже до этого я начал проходить подготовку для допуска к летным испытаниям. Кроме теории, сведений о вертолете, специальной техники безопасности с правилами спасения на водах, нормативов по плаванию и прыжков с парашютом предстоял главный экзамен – врачебно-летная экспертная комиссия (ВЛЭК). Два года назад ребята (Мухин, Пехтерев, Глазьев, Филиппов) ее проходили. Олег Михайлович (О. М.) тоже хотел летать, хотя оператором на станции он быть не мог – не обладал достаточной квалификацией, как и знанием приборов, которое позволяло что-то исправить в них во время полета или в перерывах между ними. Однако он был главным конструктором и, летая даже в качестве наблюдателя, смог бы сам, а не со слов ребят, почувствовать станцию в работе. Его не пустил летать ВЛЭК.

Вообще ВЛЭК был ужасом для стареющих и травмированных пилотов, в мое время и для космонавтов. Он выносил приговоры их летной карьере.

Какие конкретно выявили изъяны у О. М., я не знаю. Рассказывали о визите к невропатологу, к которому зашли все вместе. Первым проверяли Алещенко. После проверки реакции ноги на молоточек, дрожи в расставленных пальцах рук и других проверок, доктор перешла к обычным вопросам, а потом спросила о трудностях в общении с коллегами.

– Понимаете, доктор, я иногда не могу сдержаться и делаю разнос подчиненным, хотя и сам не без вины.

– В присутствии других тоже? – спросила доктор.

– Бывает и в присутствии.

– А на своих начальников Вы тоже кричите?

– Ну, – замылся Алещенко, – тоже, но редко; это ведь не болезнь?

– Нет, это не болезнь, это просто невоспитанность.

Присутствующие подчиненные грохнули. Олег быстро оделся и, не став ждать других, исчез.

Всех обычных врачей я прошел, казалось, без замечаний. Самым сложным испытанием оказалась центрифуга. Выйдя из ее кабины, я встал, но покачнулся. Потом сделал, как просили, три шага вперед. Меня проверили, попросили поприсесть, что-то еще измеряли и спрашивали. Это была довольно примитивная центрифуга, не скоростная.

Если до этого по поведению врачей можно было догадаться, что противопоказаний к полетам не ожидается, то после центрифуги этого наверняка сказать было нельзя.

В день объявления результатов, нас собирали группами и, после выдержки в креслах перед дверью, приглашали в зал комиссии, заседавшей за столом, покрытым бархатом. Перед нами вышла стайка молодых людей, похожих на футбольную команду, состоящую из одних

нападающих. «Космонавты» – проронил кто-то. «Будущие» – поправил другой. Запомнить их не было возможности, да и охоты – летчики ожидали решения своей судьбы. Несмотря на то, что они уже неоднократно бывали на разных обследованиях, и, судя по всему, успели полетать, все волновались, хотя и пытались это скрыть незамысловатыми шутками и подколами. ВЛЭК занималась серьезными делами – космонавтами и летчиками-испытателями. Наконец, нас ввели в зал, разбили на более мелкие группы и стали вызывать к главному столу или к боковым. Меня позвали к боковому. Там сидел подполковник медицинской службы ВВС, который поинтересовался, откуда я и кто по профессии. Когда я ответил, он облегченно улыбнулся и спросил: «Скажите, для Вас не будет большой трагедией, если я оглашу ограничения на Ваши полеты?». Я подумал, что все – не гожусь. А он продолжил: «Вам нельзя будет летать на сверхзвуковых самолетах и пикирующих бомбардировщиках». – «А на остальных?» – «На остальных можно. Кстати, на чем и кем Вы собираетесь летать?» – «На вертолете, инженером-испытателем». «На всем таком – без ограничений».

На «всем таком» (Ми-4, Ли-2 и Ан-2) я уже летал в Сибири (книга 2, глава Геология II).

Впервые в жизни я почувствовал, что я здоровый человек – официально признано ВЛЭКом!⁴⁸

Заключительным в «курсе молодого бойца» для инженеров-испытателей были прыжки с парашютом. Два года назад ребят (Мухина, Пехтерева, Глазьева, Филиппова) от этого освободили – посчитали, что при низкой высоте полета и на самом опасном режиме – висения, парашют им не нужен. Но там все решалось на летно-испытательной станции (ЛИС) Миля в Феодосии. Меня же допускал НИ ЛИЦ Гризодубовой, и у них уже начали возникать трения и с КБ Миля и с Авиапромом.

Первый раз я прыгал с самолета Ан-2 стартовавшего прямо с аэродрома Суково (Солнцево).

Уже ввели почему-то второй прыжок, и нужно было ехать (или лететь) куда-то подальше. Инструктор, мастер спорта с аэродрома Суково, еще молодая и симпатичная, готовившая и сопровождавшая меня на первом прыжке, перенесла почему-то второй прыжок, потом я был занят у Миля, и второй раз должен был прыгать через две недели. Погода была облачная и дул сильный ветер. Когда инструктор узнала, где предстоит прыгать, она помрачнела и стала рассказывать, как вести себя при ветре, что нужно делать, и почему перед прыжком нужно быть одним из первых у двери самолета. Настроение у нее быстро портилось, потом она заплакала и сказала: «Нет, прыгать ты сегодня не будешь». Немного успокоившись, она рассказала, что в этом районе недавно погиб ее муж – заслуженный мастер спорта по парашютному спорту. Прыгая с группой летчиков, он кого-то успел перенаправить в безопасное место, но ему самому времени уже не хватило. Порывом ветра его бросило на высоковольтную линию. «Все, давай твой формуляр, я тебе отмечу второй прыжок».

Хотя мы потом летали без парашютов, но опыт и сведения, которыми нас тогда «накачивали» были полезными. Например, рассказывали, как покидать тонущий вертолет. Нужно дождаться, пока давление воды снаружи и изнутри сравняются (уровень воды дойдет до половины высоты двери). Затем открыть дверь наружу. Не выныривать! Ждать, пока пузырь воздуха начнет покидать вертолет и вынырнуть вместе с ним на поверхность. К сожалению, применять на практике теоретические положения, не подкрепленные тренировками,⁴⁹ могут немногие.

Уже после испытаний меня впечатлил случай, произошедший с секретарем какого-то учреждения из Штатов. Ее автомобиль упал с моста в реку. И она действовала спокойно и по

---

⁴⁸ Напоминало более поздний анекдот: «Запущен корабль Союз-13 с космонавтом Рабиновичем на борту. Космонавт впервые в жизни чувствует себя нормально».

⁴⁹ Пример тренировок по выплыванию из погружающейся в море кабины палубного самолета блестяще показан в американском фильме «Офицер и джентльмен» с Ричардом Гиром. Не сдавший зачет по выныриванию курсант был отчислен. (Это привело потом к трагедии из-за личных проблем).

всем правилам. Когда еспросили, как же она могла в такой момент вспомнить все инструкции и не запаниковать, она ответила, что привыкла ответственно относиться к своей работе и в круг ее профессиональных обязанностей входит внимательное чтение документов и их запоминание. А стрессовых ситуаций и на работе хватает, и она привыкла их «разруливать». ⁵⁰

Прежде чем покинуть Суково (ставшее уже Солнцевым, но еще не превратившееся в один из центров криминального мира – «солнцевских»), расскажу о женщине, приведшей нас в эти места – Валентине Степановне Гризодубовой.

До войны она была известна всем советским людям – первая женщина – Герой Советского Союза за знаменитый полет на Дальний Восток, в результате которого был установлен женский мировой рекорд дальности полета (около 6500 км). Летела она с Полиной Осипенко и Мариной Расковой на самолете АНТ-37⁵¹ «Родина». Главный конструктор ОКБ, Алексей Николаевич Туполев (АНТ) в это время (1938 год) уже сидел. Правда, в приличных условиях, в «шарашке» ЦКБ-29. Ведущим самолета был П. О. Сухой, получивший известность как конструктор самолета «Иванов». ⁵²

Героиня перелета редко видели в платьях. Самая стройная слева – Гризодубова, в центре Осипенко и полная Раскова

Из-за грубых штурманских ошибок Марины Расковой Валентине Гризодубовой пришлось сажать самолет на брюхо в тайге на заросшее болото. Она лишь «покоржила законцовки

---

⁵⁰ Ретроспективно вспомнил Сашу Разумову, которая, мне кажется, повела бы себя так же в этой ситуации. Стоит еще заметить, что секретарь в штатах – ответственная и довольно хорошо оплачиваемая должность. Например, популярная журналистка «Недели», вспомнив в Штатах свою научную специальность и подучив язык, пошла работать в один из университетов не ассистентом, а секретарем кафедры – и престижнее, и денег больше.

⁵¹ Самолет был признан ВВС неудачным, в серию не пошел, выпущенные машины пошли на рекордные полеты.

⁵² Это была безумная идея Сталина – построить 10 000 простых самолетов-бомбардировщиков «Ивановч», которые в случае необходимости, летели бы только в одну сторону (в наличии достаточного количества добровольцев-камикадзе Сталин не сомневался) и одним ударом разбомбили бы Германию (а может быть Англию). Никакая ПВО с таким количеством самолетов справиться бы не смогла. Другое дело, что эффект такого бомбометания явно переоценивался. Конкурс на проект выиграл Сухой. Большая часть произведенных «простых» самолетов (Су-2) были уничтожены мессершмиттами в первые недели войны.

винтов». Ее муж, летчик-испытатель Соколов вернул самолет, сумев поднять его в воздух из болота после полевого ремонта.

«Раскрыв объятия, ждет страна любимых дочерей», восклицал в «Правде» будущий автор «Василия Теркина». Стране пришлось ждать дочерей больше месяца.⁵³

Прямо с поезда их привезли в Грановитую Палату Кремля, где их ждало Политбюро. На интимном, но торжественном приеме в Кремле первый тост был не за героинь, а за Коккинаки.⁵⁴ Он в июне установил мировой рекорд дальности полета по прямой на ильюшинском ДБ-3, практически по тому же маршруту, только на 1000 км дальше.

Гражданским пилотом была только Гризодубова.⁵⁵ Полина Осипенко была майором ВВС. Выпускница музтехникума Марина Раскова – старшим лейтенантом НКВД.⁵⁶ По разному сложились их судьбы. Наставник пилотов-истребителей Осипенко погибла 11 мая 1939 года вместе с комбригом Серовым – мужем актрисы Валентины Серовой.⁵⁷

Марина Раскова нелепо погибла в январе 1943 года, не успев совершить ни одного боевого вылета.⁵⁸

Валентина Степановна в оставшееся до войны время работала начальником Управления между-народных авиалиний Гражданского Воздушного Флота. Оно было создано вместо советско-германской авиационной компании *Deruluft*,⁵⁹ официальная деятельность которой была прекращена в марте 1937 года.

---

⁵³ Вылетели они 24 сентября, приземлились 25 сентября, нашли их с воздуха 4 октября. До этого их искали 50 самолетов, десятки пеших отрядов в районе от Читы до Сахалина [Шак]. 5 октября до них добрался спасотряд с эвенком-проводником. В Москву они прибыли 27 октября и прямо со спецпоезда – в Грановитую Палату Кремля. Там их ждало Политбюро.

⁵⁴ Коккинаки был не весел. Когда Сталин спросил, почему, тот сказал, что поиски экипажа Гризодубовой привели к гибели его ближайшего друга Бряндинского, комбрига и флаг-штурмана ВВС СССР, с которым они устанавливали этот рекорд и получили звание Героев Советского Союза. Молотов предложил выпить за Бряндинского. Сведения о катастрофе (столкнулись Дуглас и ТБ-3 РН) были засекречены на 30 лет. Те, кто знал и попытался высунуться с предложениями похоронить тела по-людски, были осуждены по 58 статье на 15 лет как японские шпионы. Тела погибших до сих пор в тайге (вынесли и похоронили в Комсомольске только Бряндинского).

⁵⁵ Гризодубова, кроме звания Героя, получила квартиру площадью 104 квадратных метра в профессорском корпусе Академии Жуковского на Ленинградском шоссе (позже проспекте). Плюс «Опель». И 25 тысяч рублей. Кстати, после разговора Гризодубовой со Сталиным, то же самое, помимо ордена Трудового Красного Знамени, получил ведущий конструктор самолета АНТ-37 «Родина» Павел Сухой.

⁵⁶ Соответствовало майору ВВС, это звание она и носила в начале войны.

⁵⁷ Осипенко, проверяя умение Серова летать вслепую (по приборам), допустила снижение самолета до опасной высоты, надеясь, что Серов понимает, что делает – а он давно уже был героем и генералом. Летать любил, тренироваться – нет.

⁵⁸ Когда началась Великая Отечественная война, Раскова, используя свое положение сотрудника органов безопасности и личные контакты с И.В. Сталиным, добилась разрешения на формирование женских боевых авиачастей (включая полк будущих «ночных ведьм»). Сама Раскова стала командиром женского 587-го бомбардировочного авиаполка. Полк комплектовался и проходил подготовку на одномоторном легком бомбардировщике Су-2 («Иванов»). Подготовка закончилась в апреле 1942 года, а с июня 1942 года приступили к освоению нового самолета Пе-2 (так как Су-2 почти не осталось – *О.Р.*). В ноябре 1942 года освоение закончилось. Раскова была строгим командиром, помнившим заветы Чкалова – искать и находить врагов среди тех, кто готовит самолеты. По воспоминаниям, приведенным в [Жест] она лично расстреляла двух техников-мужчин, которые, доставляя горюче-смазочные материалы, замерзли и выпили немного спирта, что заливался в системы самолетов. – Вы не спирт пили, вы кровь наших солдат пили, – сказала она и расстреляла их перед строем. По некоторым сведениям, 1 декабря 1942 года полк убыл на Северо-Западный фронт в состав 8-й воздушной армии. Задержавшаяся на месте формирования командир полка майор М.М. Раскова при выполнении полета по маршруту Арзамас-Саратов, попав в сложные метеоусловия, 4 января 1943 года погибла – врезалась в гору на берегу Волги [Пуз]. Вместе с ней погибла и вся эскадрилья полка (по мнению Ковтуна – весь полк), которая летела за ней, следуя правилу «делай как я». Раскова, учившая летать по приборам других, сама так летать не умела. При разработке маршрута полета не были приняты необходимые меры предосторожности, она «не заметила» на карте гору, возвышающуюся над берегом Волги на сотни метров и игнорировала опыт главного штурмана полка – мужчины. Вознесенная еще в 1937 году на вершину славы, Раскова, опираясь на поддержку могущественного НКВД и комсомола, не считалась ни с кем и ни с чем. Мы всё добудем, пойдем и откроем, Холодный полюс и свод голубой. Когда страна быть прикажет героем У нас героем становится любой – пела вся страна вслед за «Веселыми ребятами». За два месяца до этой катастрофы на Волге под Самарой был расстрелян цвет советской авиации («дело Героев»), включая Рычагова и его жену – выдающуюся военную летчицу Марию Нестеренко, которой до этого не дали побить мировой рекорд экипажа Гризодубовой.

⁵⁹ Самолеты Деролофт летали по всей Европе, а ее немецкие летчики – по европейской части Союза. Немецкие пилоты в полной мере использовали практическое знание воздушного пространства после начала войны. Шефом Деролофта с немецкой стороны был небезызвестный Мильх, создатель Люфтганзы, еврей по отцу, с июля 1940 года генерал-фельдмаршал авиации.

Начало войны застало В. С. врасплох. Она попросилась в пилоты к Голованову,⁶⁰ но, по его словам, она сначала занялась эвакуацией семьи (матери и сына). Муж с начала войны был пилотом, потом командиром авиаполка истребителей. В апреле 1942 года генерал Голованов, уже командующий авиацией дальнего действия (АДД), попросил, на всякий случай, одобрения Сталиным назначение Гризодубовой в качестве командира 101 транспортного полка АДД. Сталин, до этого разрешивший майору Расковой создание трех женских полков, удивился, что Гризодубова будет командовать мужским полком. Голованов напомнил, что она до недавнего времени была начальником Управления ГВФ и командовала большим мужским коллективом пилотов. Сталин согласился дать ей звание майора ВВС.

Про войну Гризодубова вспоминать не любила.

По его поводу Геринг сказал, что он сам решает, кто здесь еврей, а кто нет.

⁶⁰ В 1942 году мобилизованные летчики ГВФ, объединенные в специальные полки и дивизии, занимавшиеся транспортировкой летного состава, перегонкой самолетов, получаемых по лендлизу, снабжением окруженных войск и партизанов, были переданы в подчинение ВВС. Гризодубова попросила направить ее в полк транспортной авиации. 101-й полк имел на вооружении транспортные самолеты Ли-2 и осуществлял снабжение боеприпасами и продовольствием окруженных частей Красной Армии, по заявкам Центрального штаба партизанского движения обеспечивал партизанские отряды и их связь с Большой землей, а также совершал боевые вылеты на бомбардировку военных объектов во вражеском тылу. Из интервью Гризодубовой порталу «Культура». «Я настояла на том, чтобы меня назначили командовать мужиками. Если честно, генерала хотела получить. И не только, чтобы удовлетворить собственное тщеславие. Славы у меня предостаточно было, есть и будет. А генералов баб в армии, как не было раньше, так и теперь нет. Хотя все талдычат: женщины у нас равны с мужчинами. Ни хрена они не равны. Во время войны женщин офицеров воевало почти миллион человек. И ни одного генерала никто не получил. Если бы я создала прецедент, всё пошло бы по-иному. А неравенство я на своей шкуре испытала...» Желание стать генералом, причем как можно быстрее, привело к последствиям, чуть не ставшими трагическими для Гризодубовой. Ее жалоба на любимца Сталина Голованова, ставшего за год командующим авиацией дальнего действия, за предвзятое отношение к летчикам (полку не присваивали звание гвардейского, что давало бы ей право стать генералом) была рассмотрена партийной комиссией (Шкирятовым-Маленковым). Жалоба, после письменного объяснения Голованова, носившего обвинительный характер против Гризодубовой, была признана ложным доносом на командующего АДД, что в военное время рассматривалось как измена и дело передали в военный трибунал. Спас Сталин – с должности командира полка он Гризодубову снял, но и от трибунала освободил. Ее полк после ее снятия в мае 1944 года через полгода получил звание гвардейского, бывший заместитель, в особых подвигах и талантах не замеченный, получил генерала, а потом и Героя. У ее коллег – командиров соседних полков – грудь после войны была иконостасом из орденов, включая звезды Героев. Гризодубова, совершившая 200 вылетов лично, получила во время войны только один орден – Отечественной войны первой степени. И партизанскую медаль – ее дал Пономаренко по требованию партизан. После войны, ни дня не медля, уволилась из армии, не приняв предложение маршала авиации Новикова стать командиром дивизии, что сразу давало ей генеральские погоны. Пыталась даже отказаться от пенсии – в 1945-м ей было всего 35 лет. «Мне – пенсию?! Я что, старуха какая-то?». Новиков вызвал ее к себе: «Ты, Валя, не дури! Откуда знаешь, что завтра будет? Приказываю оформить пенсию». Потом она ее сильно вырчала...

В. С. Гризодубова

Воевала они бесстрашно, сама часто показывала пример, как надо, особенно в первые недели, пока летчики гражданского воздушного флота привыкали летать на практически безоружном против немецких самолетов Ли-2 (Дугласе) ночью, в облаках, или на бреющем полете. Особенно трудно было над Ладожским озером, когда она уходила от Мессера, почти касаясь винтами воды.

Запомнились ей и партизанские Брянские леса, где часто приходилось летать над верхушками деревьев.

«Прославилась» Гризодубова в войну и тем, что не отдавала СМЕРШу летчиков, самолеты которых сбивали над вражеской территорией, и которым удавалось спастись и выйти к партизанам. Оттуда ее же летчики вывозили своих товарищей и коллег из других полков. Она кратко с ними беседовала, загружала в грузовую кабину самолета на очередной боевой вылет. После возвращения представляла их вместе с экипажем к орденам и передавала в госпиталь или санчасть. И только потом докладывала по команде. Орден, как правило, вычеркивали, но летчика оставляли в полку.

После войны она проявила не меньший героизм, когда отказалась уволить евреев из лётно-испытательного подразделения НИИ-17 в разгар антисемитской компании (среди них героя Советского Союза Лунца, оставшегося под ее началом со времен войны). Кроме того,

она взяла на работу уволенного из ЛИИ Авиапрома Марка Галлая, вывезенного ее летчиками от партизан после того, как его сбили (см. книгу вторую [Рог15]) и летчиков из ЛИИ ВВС.

Бригаде нашего п/я, участвовавшей в подготовке Ми-4 к госиспытаниям «Оки» 1963 года запомнился полет на Ли-2, на котором доставлялась из Жульян часть аппаратуры на Ми-4. С оказией полетели Мухин, Пехтерев, Филиппов, кто-то еще, может быть Кирин (у каждого вспоминался разный кто-то). Но все помнят, как возле Брянска Валентина Степановна, летевшая пассажиром, взглянув в окно, воскликнула: «Как раз здесь я летала!». Вошла в кабину, передвинула первого пилота на место второго. После того, как «почувствовала» штурвал, она ринулась вниз и на бреющем полете прошла все леса и даже дальше, потом освободила кресло и покрасневшая и помолодевшая вернулась в пассажирскую (она же грузовая) кабину. Аплодировать было некому, ребята были в состоянии «гrogги». Когда самолет приземлился, молодые тогда еще ребята высыпали из самолета и улеглись на траву. В. С. подкрасив губы и наведя марафет, спросила их, не хотят ли они с ней поехать в Москву – сейчас ее «Волгу» к трапу подадут.

Все дружно отказались. Некоторые хотели подольше остаться на травке.

А вот я, по неопытности, предложение В. С. подбросить меня в Москву однажды принял. «Вот и хорошо – сказала она – сможешь шампанское донести – мне Новосветовское коллекционное прислали». Она села за руль «Волги» цвета «белой ночи», я рядом и почему-то мне захотелось пристегнуть ремень безопасности. Она стартовала в конце дороги от админздания, ведущей прямо к воротам для автотранспорта. Они были закрыты. Скорости она не снижала и, казалось, сейчас врежемся. В последний момент ворота открылись, и я успел заметить перепуганные лица охранников по сторонам ворот.

Ехали мы, скорее всего, по Внуковскому шоссе. Это была правительственная трасса, и милиционеров на ней было достаточно, но В. С. их игнорировала – скорость была намного выше разрешенной. Правил явно она не нарушала, но ехала она, как теперь выражаются, агрессивно. На поворотах я несколько раз хватался за кожаную петлю, висевшую над дверью. Пару раз я видел, как ей отдавали честь, иногда пытались поднять полосатую палку, но потом, видимо, узнавали. Перед красным светом тормозила в последний момент, на желтый проезжала не задумываясь. Если она хотела подготовить меня морально к испытательным полетам, то она своей цели достигла. На Ми-4 было гораздо спокойнее, несмотря на опасные ситуации.

На этом мои испытания не кончились. В. С. напомнила о ящике шампанского, и я взялся было нести его сам, но она подхватила второй конец и мы дошли до лифта профессорского дома Академии Жуковского. Я собирался занести ящик в квартиру и удалиться, но она сказала, что не отпустит, пока не напоят чаем. В стометровой квартире никого не было. В гостиной поблескивал рояль с раскрытыми ногами. В шкафах и на столах много книг и альбомов.

Памятная доска на доме Академии Жуковского, где жила Гризодубова

К чаю были бутерброды из сырокопченой колбасы и лососины (остатки кремлевского пайка), и вкусные пирожные типа «картошки». Мне они понравились. Она объяснила, что самолично накрутила их из остатков пражского торта, орехов, печенья и сгущенного молока. Я боялся ей надоесть, но она с удовольствием общалась – видно было, что с недавними студентами она встречается не часто. Я расспрашивал об их знаменитом полете, о Кремле.

Она рассказывала с юмором, который в ней трудно было предположить. Критических слов в адрес «самых высоких» товарищей я от нее не слышал. Запомнилось, что Сталин после войны ограничивал свой круг общения уже знакомыми и проверенными людьми. В частности, на приемы часто приглашались Орлова, Серова и Гризодубова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.